

БИБЛИОТЕКА
КРОКОДИЛА

Г. РЫКЛИН

ПРИЯТНО ВСПОМНИТЬ

БИБЛИОТЕКА КРОКОДИЛА № 12

Г. РЫКЛИН

ПРИЯТНО ВСПОМНИТЬ

(ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ФЕЛЬЕТОНИСТА)

Рисунки Л. СОЙФЕРТИСА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА». МОСКВА 1962

Григорий Ефимович Рыклин хорошо знаком читателю как один из старейших советских сатириков. Его фельетоны и рассказы часто печатаются в журналах и газетах, выпускаются отдельными книжками.

В этом сборнике помещены произведения несколько иного жанра: воспоминания писателя о встречах с известными людьми, заметки о поездках в различные города нашей страны и в зарубежные социалистические государства, все те «мелочи», что обычно накапливаются в записных книжках, путевых блокнотах журналистов и писателей.

Эти небольшие по размеру, но содержательные и глубокие по мысли зарисовки, несомненно, заинтересуют читателя.

В ЧЕКИСТСКИХ ЛАПАХ...

Ранним утром мы выехали за город на машине ГПУ. Нас было четверо: Алексей Максимович Горький, его жена Екатерина Павловна Пешкова, чекист Матвей и автор этих строк.

Алексей Максимович курил и слушал то, что нам рассказывал хозяин машины чекист Матвей, молодой еще человек. Горький то и дело перебивал своего собеседника:

— Слушайте, да ведь об этом писать надо! Писать и писать. Ведь даже москвичи не знают о том, что у них под боком делается.

— Скажите, товарищ Матвей, когда это началось? — спросила Екатерина Павловна.

Матвей, стряхнув пепел с папиросы, продолжал свой рассказ. Вернее, рассказав середину истории, он теперь вернулся к ее началу:

— Это было в двадцать четвертом году. У Феликса Эдмундовича Дзержинского возникла мысль о том, что юных правонарушителей не следует держать в местах заключения. Надо дать им возможность забыть свое невеселое прошлое, надо направить молодые силы и энергию по новому, здоровому руслу. Вот тогда и появилась идея устроить для таких споткнувшихся ребят трудовую коммуну.

...Получив задание подобрать людей для первой трудкоммун, я и еще несколько товарищей отправились на Курский вокзал. Мы знали: где-то там, в железных трубах под землей квартируют воры. Полезли в трубы, шарили-шарили и действительно нашли эту публику. Начали толковать. Сначала встретили они нас, что называется, в штыки. Ругались: «Знаем мы эти штучки-дрючки! Дурных нема», «На черта нам сдались ваши коммуны!». А мы спокойно

продолжали объяснять: силой никого не берем. Хочешь — иди, не хочешь — не надо. Бояться нечего, в коммуне нет никакой охраны. Не понравится там — иди на все четыре стороны. А понравится — можешь поступить в мастерские, начнешь деньги честно зарабатывать и снова человеком станешь. Подумай, что лучше.

Пятеро согласились. Вслед за этим мы таким же манером наберем в тюрьмах человек десять. Вот эти «кадры» и составили ядро первой трудовой коммуны ОГПУ, в которую мы теперь и едем.

— А сейчас сколько там человек? — спросил Горький.

— Двести.

— А какие существуют порядки?

— Полная свобода. Самоуправление. Никакого давления со стороны. Все вопросы решаются общим собранием. Мы не вмешиваемся. Сами коммунары создают для себя правила, и сами следят за их выполнением. Они, например, не имеют права не только в самой коммуне, но и за ее стенами пить спиртное. Нарушения? Бывают, но очень редко. Ведь провинившегося вытаскивают на общее собрание, чистят его там на все корки по-свойски и вдобавок налагают солидный штраф. На такие «удовольствия» охотников маловато.

— А сколько они зарабатывают?

— В месяц? Сто-полтораста, а то и больше. Это зависит от квалификации. У нас там три фабрики: трикотажная, спортивной обуви и коньковая. Есть деревообделочный завод. На этих предприятиях коммунары получают высокую квалификацию.

— И не убегают они из колонии? — интересуется Екатерина Павловна.

— Первое время были случаи. Теперь — ни одного. Поняли ребята, что бегать-то невыгодно. Кстати, беглецов мы не разыскиваем. Убежал — и пусть себе. Так было, например, с бывшим вором Васькой. Пробыл он в коммуне несколько дней и сбежал. Случайно встретил я его на Сухаревке. Он, завидя меня, сжался весь, хотел было удрать. А я, как ни в чем не бывало, подошел к нему: «Здравствуй, Василий!». Смутился: «Я вот, Матвей Самойлович, убег». Говорит, а сам красный, как бурак. «Убег, так убег, — говорю. — А мне какое дело?» Через три недели Васька вернулся, и теперь он один из самых лучших, умелых рабочих. Прекрасный, скажу вам, парень. Умница.

— Чудеса! Чудеса! — не может сдержаться Алексей Максимович, и лицо его озаряется радостной улыбкой. — Прямо сказка...

— И эти чудеса делает доверие,— продолжает Матвей.— Народ этот чуткий и чувствительный. Доверься им — ни за что не обманут... Есть у коммунаров кооперативная лавка, где продавцами и кассирами работают бывшие воры и грабители. А подите же, за все время существования кооператива не было ни одной кражи, ни одной растраты. Да вот вам факт, совсем свеженький. Взял я из тюрьмы пятерых ребят, чтобы доставить в коммуны. Одел их в красноармейские шинели, привез на вокзал. Сам куда-то отлучился на минутку, а они сидят там в ожидании поезда. И рядом на скамейке какая-то женщина с чемоданом и корзиночкой сидит. Вот поднялась она и говорит моим ребятам: «Постерегите, пожалуйста, мои вещи. Я скоро приду». И ушла. Когда я вернулся, смотрю, сидят мои орлы, караулят чужие вещи. Один из бывших воров, час назад вышедший из дома заключения, вздохнул и говорит мне: «Уж очень чудно! Вот вещи поручили стеречь. В другое время я бы давно их спер. А теперь не могу, ведь мне их доверили».

— А как к ним относятся соседи-крестьяне? — спрашивает Горький.

— Первое время опасались: «Подсадили к нам воров, житья от них не будет». А потом, когда увидели, что ребята к честной жизни всерьез повернулись, оттаяли, подобрели. Теперь крестьяне в нашу кузницу своих лошадей на ковку приводят, в наш кооператив за покупками приходят. Да что! Уже несколько девушек из этих крестьянских семей замуж за наших коммунаров повыходили. Нет, отношения, надо прямо сказать, добрососедские.

— Писать об этом надо! — снова восклицает Алексей Максимович.— Писать! Вы себе представить не можете, как такой правдивый рассказ заинтересует зарубежного пролетария. Ведь они так следят за жизнью в Советском Союзе!

...Подъезжаем к Болшеву. Заворачиваем направо. Вот у дороги раскинулся огромный парк. Трудкоммуна ОГПУ находится тут.

— А кому раньше принадлежал этот парк? — спрашивает Горький.

— Шоколадному фабриканту Крафту... Как, по-вашему, Алексей Максимович, не лучше ли теперь используется этот парк у других хозяев?

В ответ Алексей Максимович только улыбается своей доброй улыбкой.

БЫЛ ПРЕКРАСНЫЙ ВЫХОДНОЙ ДЕНЬ, КОГДА..

Они много работали. Они любили работать.

Они страстно любили свой жанр — юмор и сатиру. Но при этом не чурались никакой черновой работы в журнале.

Ильф и Петров уже были почитаемыми и читаемыми писателями. Но если нужно было отредактировать читательское письмо — они это охотно делали. Написать десятистрочную заметку? Пожалуйста! Шутливый диалог из двух строк? С удовольствием! Смешную подпись под карикатурой? Будет сделано.

Они никогда не играли в маститых.

С Евгением Петровичем мне посчастливилось в течение нескольких лет работать в редколлегии «Крокодила». Он не был в журнале штатным работником. Он был занят по горло писанием фельетонов, рассказов, сценария. Но тем не менее он почти ежедневно прибежал в редакцию:

— Надо что-нибудь сделать?

Редактировал, выдумывал, сочинял, писал, воодушевлял других. И все его любили.

Всегда волновался. Радовался или возмущался, но никогда не был равнодушен к тому, что происходило вокруг него.

Его почему он охотно придумывал темы для карикатур на самые злободневные вопросы.

Сейчас очень трудно припомнить, какие именно крокодильские темы принадлежали ему. Но на одной теме (она сделана Петровым вместе с Ильфом) хочу коротко остановиться.

Речь идет о бытовых не порядках в ту пору. Особенно на городском транспорте. Это подпись под кусковым рисунком:

Был прекрасный выходной день, когда человек (это звучит гордо) решил развлечься. Неслыханное счастье — трамвай был почти пуст.

Плача от радости, человек влез в вагон, но уже вскоре заметил, что он не так счастлив, как ему это казалось. Трамвай шел совсем

не в ту сторону. По чьему-то странному капризу маршрут был изменен, о чем кондуктор пассажирам не сообщил. О, кондуктор — это звучит гордо!

Спотыкаясь о строительный мусор и проваливаясь в канализационные траншеи, брел человек назад к шумному городу, где бегают автобусы. Автобус! Что может быть приятнее этого роскошного способа передвижения!

— Будьте благонадежны, — сказал шофер, — автобус не пойдет. Идите, будьте благонадежны, пешком.

И в самом деле, пешеход — это звучит гордо.

Но все же человек соблазнился на такси. Захотелось ему жить лучезарно.

— Не повезу, — сухо заметил шофер. — Не по дороге.

— Откуда же вы знаете, что не по дороге! — взмолился человек. — Ведь я еще даже не сказал, куда мне надо.

— Все равно не по дороге.

Человек (это звучит гордо) не знал того, что шоферу нужно показывать растопыренную пятерню.

Это означает пять рублей чаевых.

Злоключения человека этим не закончились. Он еще терпит ряд бедствий, о чем рассказывают четырнадцать рисунков художника и четырнадцать подписей Ильфа и Петрова.

Они умели остро писать, взволнованно писать, смешно писать, поднимая большие вопросы даже тогда, когда касались «мелочей быта».

Особенно, когда речь шла о сервисе.

Это было «больное место» Евгения Петрова. Сервис! Он выступал по этому вопросу. Он писал. На темных заседаниях «Крокодила» он с упоением ратовал на темы о сервисе.

Он говорил неоднократно:

— Будьте смелыми, будьте принципиальными. Зайдите в хороший ресторан и закажите официанту стакан чаю.

А на недоуменный вопрос:

«И больше ничего?»

Отвечайте:

«И сегодняшнюю газету!»

И на чай официанту ничего не давайте. Да, да! Вы имеете право на хороший ресторан, на стакан горячего чаю и на сегодняшнюю газету.

ЗНАМЕНАТЕЛЬНАЯ ДАТА

Был 1932 год. Юбилейный. «Крокодилу» исполнилось десять лет.

Если я скажу, что страна бурно отмечала эту дату, то непременно совру. А врать нехорошо.

Итак, страна отнеслась с завидным спокойствием к юбилею. Но в редакции журнала засуетились — решили считать дату знаменательной и отметить ее.

Был выпущен специальный юбилейный номер журнала. В номере, кроме всего прочего, — фельетон Ф. Толстоевского.

Напомним молодому читателю, что И. Ильф и Е. Петров в ту пору часто печатались под этим весьма красочным псевдонимом.

Произведение Ф. Толстоевского в юбилейном номере «Крокодила» называлось «Литературная отмычка».

Ильф и Петров опоздали с фельетоном. Добрейший и милейший Михаил Захарыч Мануильский, тогдашний редактор, не умел сердиться. Поэтому его выговоры перадивым авторам не отличались большой эрудицией и разнообразием.

— Товарищи! — сказал он Ильфу и Петрову. — Нехорошо... Ей-ей, нехорошо.. Поймите — нехорошо...

— Завтра будет хорошо, — сказал Ильф.

— Рано утром принесем, — добавил Петров.

— Всю ночь будем работать, как проклятые, — сказал Ильф.

— Не будем ли спать, ни есть, — добавил Петров.

Но редактор был неумолим. В его голосе появилась малая толика металла.

— Сейчас же... Пишите! Садитесь вот за этот стол и работайте. Вы отсюда не уйдете, не оставив фельетона. Понятно?

— Ничего не напишешь — придется писать!

Точно не помню, кому принадлежит это восклицание — Ильфу или Петрову.

Они сели в углу за маленький столтик и начали работать, не об-

ращая ни малейшего внимания на всех прочих: сидящих, курящих, говорящих, шумящих в этой комнате.

Садясь к столу, Ильф торжественно произнес:

— Первая фраза фельетона должна быть такая: «Позвольте омрачить праздник»

Затем мы узнали, что фельетон будет называться «Литературная отмывка».

А минут через десять услышали, как Евгений Петров читал Ильфу черновой набросок тех строк, в которых намечалась тема произведения:

«О читателе нужно заботиться не меньше, чем о пассажирах. Его нужно предостеречь».

Именно с этой целью здесь дается литературная фотография (анфас и в профиль! — добавил Ильф) поставщика «юмористической трухи и сатирического мусора».

Ильф продолжил эту мысль:

«Работа у него несложная. У него есть верный станок-автомат, который бесперебойно выбрасывает фельетоны, стихи и мелочишки, все одной формы и одного качества».

Так они сидели и работали, спорили, смеялись. Иронизировал Ильф. Горячился Петров.

Так создавался для юбилейного номера острый фельетон против халтурщиков на сатирическом фронте, против халтуры в печати.

В фельетоне есть и пародия на шаблонный международный фельетон и на такой же фельетон на внутреннюю тему.

Особенно, по моему мнению, удалась пародия на эпиграф («Из газет») к стихотворному фельетону. Сочиняли они его вдвоем.

Вот этот эпиграф:

«Сплось и рядом наблюдается, что в единичных случаях отдельные заведующие кооплавками, невзирая на указания районных планирующих организаций и неоднократные выступления общественности и лавочных комиссий, частенько делают попытки плохого обращения с отдельными потребителями, что выражается в недовывешивании прейскурантов розничных цен на видном месте и нанесении ряда ударов метрическими гирями по голове единичных членов-пайщиков, внесших полностью до срока новый дифпай. Пора ударить по таким настроениям, имеющим место среди отдельных коопголовотяпов.

(Из газет)».

После этого громадного и маловразумительного эпиграфа следовал фельетон — четыре стихотворных строчки, коими ударяли «по таким настроениям».

«Нет места в кооперативном мире
Головотяпским сим делам.
Не для того создали гири,
Чтоб ими бить по головам»...

Редактор торжествовал. Фельетон получился. Очень неплохой фельетон!

— А вы говорили: «Завтра будет хорошо». Нет, сегодня хорошо..

УЛЫБКА РОТОВА

Константин Павлович Ротов...

В кругу друзей и товарищей по работе он был более известен под другим именем — Костя Ротов.

Его почитатели (а их тысячи) тоже называли его ласкательным именем Костя. Хотя многие из них не были с ним лично знакомы. Хотя не знали его в лицо.

— Видел последнюю карикатуру Кости Ротова?

— Смешно рисует Костя Ротов!

— Талантливый парень Костя Ротов!

В это время знаменитый советский художник-карикатурист Константин Павлович Ротов сидел за столом дома или в редакции и рисовал. Рисовал и улыбался.

Он всегда рисовал.

И всегда улыбался. Но по-разному.

Улыбка зависела от характера рисунка.

Если это шутка, дружеский шарж, юмористическая зарисовка — Ротов смотрел на мир мягко, с хитринкой, по-детски. Глаза его искрились доброй, лукавой улыбкой.

Но вдруг гасли огоньки в глазах художника. На лице возникала другая улыбка — жесткая, сердитая, ехидная. Значит, вот-вот из-под его всегда боевого, всегда острого карандаша появится злой, гневный сатирический рисунок.

А это что такое? И не шарж и не карикатура. Странный рисунок, необычный для творчества Ротова.

Это бланк санатория и медицинская справка. В чем дело? Почему карикатурист занялся такой работой?

Дело было в Сочи. В приморском санатории, где отдыхала группа крокодилцев. Завтра сюда должен приехать еще один наш товарищ — Борис Григорьевич. Надо его встретить шуткой. Надо его разыграть.

Если надо, так надо! В таких проказах Костя Ротов никому не уступит первого места. Он сидит весь день (даже не пошел на пляж), весь вечер (не пошел на прогулку) — готовит всякого рода справки и документы, чтобы разыграть Бориса Григорьевича.

Делал он это с восторгом, с увлечением. Так Ротов делал все, так он жил и работал. И надо было посмотреть на него, когда шутка удавалась. Он радовался, как шалун мальчишка.

Вспоминается еще такой случай. На даче, где жил Ротов, был маленький огород. Вместе с другими дачниками-соседями Ротов приобрел рассаду каких-то необыкновенных помидоров. Вскоре на грядках зазеленели помидоры. Но... время шло, а краснеть они и не думали: лето выдалось прохладное, пасмурное.

Однажды на рассвете, когда все соседи еще спали спокойным дачным сном, Ротов с краской и кисточкой забрался в свой маленький огород и (при этом, конечно, лукаво улыбаясь) нежно покрасил щечки помидоров.

Утром у соседей переполох. У Ротова помидоры покраснели, а у нас нет!!! Ротов от души веселился.

Мы привели эти эпизоды потому, что они показывают характер Ротова, его жизнерадостность, его настроение, всегда бодрое, веселое.

Он любил жизнь. А поэтому любил смех.

Он любил людей. А поэтому хотел, чтобы люди смеялись. Он был автором многих смешных рисунков, безобидных, чисто юмористических

Это был смех не ради смеха. А смех ради людей. Чтоб жизнь человека была краше. Чтоб работа ему была милей.

Так, и только так надо относиться к юмористическим произведениям Ротова.

В трамвае. Какой-то нагловатый гражданин, чтоб не упасть при вагонных толчках, держится за чью-то бороду.

— Гражданин, вы ведь за мою бороду держитесь.

— Пустяки! Я через три остановки выхожу!

Здесь нет глубокой мысли. Просто смешная шутка. Очередная улыбка Ротова. Но все же...

Нам кажется все же, что и в этой как будто безобидной шутке спрятана острая шпилька против тех нахальных субъектов, которые ради собственной выгоды, ради собственного благополучия готовы схватить вас за бороду, за душу, за сердце.

Вы, конечно, знаете Муру. Это девица со стандартной прической, стандартной речью, стандартными мозгами.

Ее не мог не заметить Ротов. Вот она стоит у дверей парикмахерской с молодым человеком. Он явно влюблен в Муру. И она отвечает ему:

— Подождите меня здесь. Я скоро выйду

Он, конечно, подождал. И вот второй рисунок. Из парикмахерской выходят четыре девицы. Все одинаково одеты. Все одинаково причесаны. Все одинаково разговаривают.

Молодой человек растерян:

— Простите, которая из вас Мура?

Это юмор. Но тут же элементы сатиры. Ротов — по натуре юморист. Он любит рисунок-шутку. Но при его темпераменте, при его общественной жилке ему порой трудно удержаться, чтобы не превратить свою юмористическую улыбку в ироническую и саркастическую.

Отец с сынишкой в зоопарке. В клетке — обезьяна. Как будто юмористический рисунок.

Отец объясняет мальчику:

— Это шимпанзе. Он наш близкий родственник.

Юмореска, не правда ли? Шутка — и больше ничего. Но под рукой Ротова маленькая шутка превращается в фельетон. Мальчик спрашивает у отца:

— Почему же ты не устроил его у себя на службе?

Посмотрите внимательно на рисунок. Особенно — на папашу. Да, скажете вы, этот обязательно пристроит «родного человечка», будь он даже шимпанзе. Гротеск? Да. Но в этом жанре допустимы гротески, преувеличения, сгущение красок.

Говоря о творчестве Рстова, вспоминая весь его жизненный путь, нельзя не отметить одну характерную черту. Он любил и умел рисовать положительные явления нашей действительности. И тут опять сказывается его большая любовь к советскому человеку, к нашей социалистической Родине.

Не могу поэтому умолчать о таком типичном для Ротова рисунке, как «Папанин вышел на улицу купить папирос». Дело не в Папанине и папиросах, а в том, что в ту пору Советская страна была взволнована героической зимовкой папанинцев. Как это показал художник?

Табачный киоск. К нему приближается Папанин. А в это время люди запрудили вскруг все улицы и переулки. Некоторые влезли на деревья, на фонарные столбы, на крыши. Все приветствуют героя.

Это один из самых лучших массовых и вместе с тем лирических рисунков Ротова. Не ошибусь, если скажу, что именно Ротов является у нас родоначальником массовых рисунков, в которых показано большое множество людей. При этом он иногда (опять-таки лукаво улыбаясь) «баловался» и некоторым людям придавал черты знакомых и товарищей — даже автор этих строк не раз фигурировал в «толпе», нарисованной Ротовым.

И писатель и художник должны жить жизнью народа, вместе с ним радоваться и печалиться. В этом отношении Константин Ротов показывал пример другим мастерам. Он живо откликался на все события нашей действительности теплыми, сердечными, лирическими рисунками.

В стране — большой размах жилищного строительства. И сразу появляется рисунок «Старое в новом». Многоэтажный дом. На верхнем этаже старушка. А внизу пожарная каланча, которая намного ниже дома. Пожарник кричит старушке:

— Эй, бабушка! Глянь-ка кругом, не горит ли где чего?

Из очередного рейса в космос на ракете возвращается собачка. Все звери и птицы в лесу радостно приветствуют ее, пляшут, аплодируют, подносят цветы.

Вслед за тем в светской печати появляется веселый, радостный рисунок Ротова. Американский фермер и советская колхозница-доярка, оба скачут в двуколках, запряженных коровами: кто кого перегонит?

— Держись, корова из штата Айова!

Мы должны сказать и о другой улыбке Ротова — о сатирической.

Тут самая разнобразная тематика. Всего не перечесать. Одно можно сказать с полной уверенностью: не было такого вопроса, не было такой проблемы, мимо которых прошел бы равнодушно Ротов. Он не был равнодушным гражданином нашей страны, он был бойцом. Он боролся силой острого оружия, оружием смеха.

Вот типичный ухажер, пошляк, негодяй, «искатель крепких брачных уз». На бульварной скамейке он делится своими «горестями» с приятелем:

— Понимаешь, разговорились с женой, то да се, оказывается, мы уже были в позапрошлом году женаты.

А как не взять под обстрел подхалимов? «Первый выезд начальника на лыжах». Подхалимы-подчиненные приготовили шубу, вино, закуску, подпиливают елочки на пути начальника.

И другой рисунок на эту же тему. Подхалим держит в руках поменьший костюм, шляпу, галстук и приказывает сторожу бахчи или огорода:

— Одень пугало поприличней: начальство приезжает!

Много рисунков посвящено вопросам искусства, архитектуры. Очень метко высмеяны скульптурные чучела, дома, похожие на торт, и аляповатые коврики.

Карандаш художника заострен против мещан, против всяких идеологических вывихов.

Юный бездельник и пустомеля обращается к гадалке:

— Погадай, бабушка, за какие такие пережитки меня не хотят принимать в комсомол?

По-своему, по-ротовски решал он и большие экономические вопросы.

Совнархозы и причуды местничества. Несколько бюрократов гоняются по полю за зайцами и ставят на них печати — «Н-ской области». Тут же плакат: «В чужие области не забегать»...

Незабываема улыбка Ротова!

ВСТРЕЧА В МОСКВЕ

Я стоял на тротуаре на площади Маяковского и, несмотря на то, что июльское солнце, не считаясь с моим возрастом и служебным положением, обращалось со мной по-панибратски, чувствовал себя превосходно. Этого, конечно, нельзя было сказать о пленных гитлеровцах, которых в этот момент вели по улице. Вот уже второй час, как они бредут — мрачные, обшарпанные.

Вдруг рядом со мной кто-то воскликнул:

— Вон он! Мой!..

Я повернулся и увидел низкорослого, светловолосого мужчину в обширных белых брюках и в синей безрукавке. Чуть повыше расстегнутого воротника помещалось лицо, удивительно доброе и в то же время лукавое.

— Простите, кого вы там увидели? — спросил я обладателя роскошных брюк и лукавого лица.

— Вот этого! — И мужчина пальцем показал на шеголеватого немецкого офицера, на левой ноге которого задумчиво болталась разорванная штанина. — Как же! Мой ведь...

Через полчаса мы шли вместе по улице Горького, и мой новый знакомый рассказал следующую историю.

Я рос в городе Конотопе.

Но сие, как сами изволите видеть, длилось недолго. Ну, лет до четырнадцати, не больше. Потом я перестал расти, всерьез и навсегда.

Но в этом небольшом «помещеньце» сидел большой порок, из-за которого я с малых лет нес мученический крест. Я любил передразнивать людей. Я копировал всех знакомых мальчишек и девчонок, и пап и мам, и дядюшек и тетюшек, кустарей-одиночек и членов профсоюзов.

За это мне здорово попадало. Ибо всякая пародия есть критика. А за критику начали обижаться еще в Древнем Египте, в дни царствования покойного Псаметтиха седьмого, да будет ему земля пухом...

Мне было лет шестнадцать, когда в Конотоп приехал театр. Я удостоил труппу своим вниманием и посетил все премьеры. Из природной скромности я имел обыкновение сидеть не в ложе и не в партере, а стоял на галерке инкогнито. Это было необходимо, ибо на галерку я пробирался «зайцем», не желая затруднять кассира разменом мелкой монеты.

Так как я не был театральным рецензентом, то спектакли произвели на меня сильное впечатление. И вот однажды я решился. Пробрался за кулисы к режиссеру и откровенно сказал ему, что согласен еще более укрепить его талантливый коллектив.

— У меня, мальчик, не детский театр, — сказал он басом. Он говорил басом, когда бывал под мухой, то есть каждый день.

— Я давно перестал быть мальчиком, — ответил я. — Мне через полтора года стукнет восемнадцать лет.

— Что же вы, старик, умеете делать? А ну изобразите.

Я понял, что он смеется надо мной. И тут же изобразил его самого, как он ласково и нежно разговаривает с местным начальством, когда оно бывает в театре.

Этот актерский дебют кончился тем, что режиссер пришел в ярость и вышвырнул меня вон. Я на высокой скорости скатился по лестнице. Как сейчас помню — там было всего четырнадцать ступе-

ней: здание театра в Кснотопе не отличалось тогда особой монументальностью.

Я поднялся, отряхнулся и, насколько позволяли обстоятельства, бодро зашагал по улице. Вдруг слышу сзади рокочущий бас:

— Вернись, я все грошу!

Он был настоящим любителем искусства и ценителем талантов, этот режиссер. Я вернулся.

Я играл пажей и принцесс, беспризорных мальчиков и куцых королей, злых колдунов и добрых старух.

Но я, кажется, слишком обременяю вас своей биографией. Буду закругляться. Перейду прямо к вопросу, который вас интересует.

Я выступал в концерте в одной воинской части. Это было в Белоруссии летом сорок первого года. Я был загримирован Гитлером, потому что исполнял комический монолог — речь Гитлера о блицкриге. Чтоб быть выше ростом, я надел сапоги на высоких каблуках.

Вдруг узнаем, что гитлеровцы, прорвавшись в тыл, окружают лес, где мы находились. Началась суматоха, пальба. Я куда-то побежал и... наткнулся на фрицев. Представьте себе замешательство этих идиотов, когда они увидели перед собой своего «фюрера». Я воспользовался этим и удачно скрылся в кустах.

Бродил по лесам недели три. Потом попал к партизанам. Командир сказал:

— В нашем хозяйстве и такая мелочь нужна. Стрелять умеешь?

— Стреляю, как Вильгельм Телль. Как известно, он попал в яблоко, лежащее на голове сына.

— Снайпер, — резюмировал командир.

К кому это относилось — ко мне или Вильгельму Теллю, — я не разобрал.

Потом командир сказал:

— Я тоже когда-то метко стрелял. Но теперь уже не та рука. Недавно был в засаде и целился в кокарду на пилотке фрица.

— Попали?

— Куда там! Промажнулся. Пуля заехала гитлеровцу в лоб.

И вот я, игравший королем и принцесс, стал исполнять совсем иные роли. Нередко приходилось мне сидеть у лесных дорог с автоматом, замаскировавшись или кустом орешника, или сосновым пнем.

И если в показанных гитлеровских пленных вам приходилось читать о том, что «в белорусских лесах в нас стреляет каждый пенек», то с гордостью могу сказать, что одним из этих скромных пней был я.

В нашем районе как-то появился новый немецкий комендант. Прежнего партизаны отправили на тот свет с секретным заданием —

приготовить укромное местечко для Гитлера. Но новый комендант не учел опыта своего предшественника и тоже начал безобразничать. Вызывает меня командир отряда и говорит:

— Хочу побеседовать с немецким комендантом. А так как я с покойниками не имею обыкновения разговаривать, то надо доставить его сюда целым и здоровым. Поймать его на живца. Понял?

Я ответил:

— Понял.

Командир внимательно поглядел на меня и сказал:

— Ничего ты не понял. Комендант, как это говорится, неравнодушен к женскому полу. Вот ты актер и должен тут сыграть лучшую роль во всем твоём репертуаре. Ты временно поселишься в местечке, где он живет. У тетки Маланьи Савчук. Приедешь к ней в качестве племянницы из Бобруйска. Эта племянница и должна завлечь его к нам. Сумеешь, актер?

— Постараюсь сыграть.

— Наш парикмахер Васюк достанет тебе всякие локоны и перманенты. Нужно платье и кофточки с разными сборочками и оборочками тоже будут.

И вот появилась в местечке расфуфыренная племянница тетки Маланьи. Плыву изящной походкой по улицам, сверкая рыжим париком, кручу и верчу подведенными глазами и прочими наглядными пособиями.

Клюнуло. Комендант обратил на меня внимание.

Но я держусь недотрогой. Он выходит из терпения, начинает меня всячески страшить. Но тут я дарю ему из своего «реквизита» пару эффектных улыбок — и он сразу меняет тактику и опять превращается в «вежливого кавалера».

А в местечке все жители, глядя на меня, откровенно плюются. С теткой Маланьей даже родственники перестали разговаривать.

Все шло хорошо. У меня уже был разработан чудесный план, как заманить моего «обожателя» в лес.

Но вдруг все сорвалось. Утром узнаем, что мой поклонник темной ночью «сократил линию фронта» и бежал из местечка, увлекая своим доблестным примером весь гарнизон. Что-то фрицам, видимо, не понравилось в обстановке на фронте.

Однако разлука оказалась не вечной. Представьте мою радость, когда сегодня среди пленных я узрел того самого коменданта. Правда, он несколько увял и похудел, но зато — вы заметили? — как элегантно болталась на нем разорванная штанина?..

ЧИСТАЯ РАБОТА

Бледное, холодное солнце скатилось в гущу лохматых, заснеженных елей. И как-то сразу стемнело.

Ветер все нагнет. С диким посвистом несется по мерзлому полю, приводя в трепет деревья и кусты. Подымает тучи снежной пыли. Заметает дороги, тропинки, колеи.

Оставляем машину в деревне. Дальше, на заставу, пробираемся в санях. Лошадь то и дело «буксует», увязая в сугробах.

Едем вдоль границы. Странное чувство овладевает нами...

Неужели вот здесь, совсем рядом, в соине другой шагов от наших санок, находится край советской земли?

В эту суровую ночь, в неистовую метель порою кажется, что никаких рубежей нет. Все занесено, все замечено. Вокруг сплошной белый ковер. И вдруг...

— Стой!

Лошадь шарахнулась в сторону, сани покачнулись. На очень близком расстоянии от овчинных тулупов, в которые мы завернуты, блеснули два штыка. И две фигуры, одетые в белые маскировочные халаты, чудесным образом возникли перед нами из снежных лавин...

Но вот опять сани тронулись вперед. А два человека в белых халатах словно растаяли на наших глазах, исчезли таким же чудесным образом, как и появились.

Нет, граница есть. Она живет. И живут ее законы.

Позади наша прекрасная страна. Люди работают, отдыхают, веселятся. Мы слышим смех и говор: это неподалеку на гумнах колхозники треплют лен. На окраине в хате погас свет, люди легли спать. Вот распахнулась дверь сельского клуба, и оттуда вырвались на улицу звуки баяна: это молодежь танцует «лявонику». Еще немного, и все затихает. Село спит.

Не спят пограничники.

Только что, минут пятнадцать назад, на заставе, мимо которой мы проезжали, поймали шпиона.

Он шел по тракту, как шакал, озираясь. Пройдет десять шагов, остановится, прислушается и крадется дальше. Вот он приблизился к большой придорожной березе.

Но дальше пошел уже с поднятыми вверх руками, и не один, а в сопровождении пограничника.

В этот вечер я впервые видел живого шпиона. Впервые присутствовал на допросе шпиона.

На заставе он вначале прикинулся дурачком. Дескать, давно почувствует большевикам, вот и бежал в СССР. Он, мол, всегда слушал советские радиопередачи. Похвалился знакомством с советской художественной литературой: назвал несколько популярных писателей.

Но в тот же вечер, после того, как, тщательно обыскав, ему предъявили уличающие его документы, он заговорил иначе.

Рассказал, как его обучали в школе шпионов. Как офицер соседнего государства подвел его к границе и показал дорогу в Советскую страну.

Кивнув на красноармейца, задержавшего его у березы, шпион добавил:

— Ловко он меня сцапал... Чистая работа,

ИГНАТ ПЕРЕПЕЧКО

Нас трое в кузове. Я и два моих случайных спутника — один агроном из МТС, другой комбайнер.

Нас подбрасывает на ухабах, мы то и дело энергично сталкиваемся лбами и тем самым скрепляем наше знакомство.

В кратких перерывах между этими лобовыми атаками мои соседи по кузову ведут между собой деловой разговор. Очень, скажу я вам, странный разговор.

— Где начинать думаете? — спрашивает один другого.

— Начнем с пулеметного гнезда.

— А бригада Кулябки где будет?

— На седьмой роте.

— А Словов?

— Уборку начнет при штабе полка.

— А косить где завтра?

— У фельдфебеля на речке.

Тут я не выдержал и попросил своих спутников объяснить мне толком, о чем они беседуют.

— Вот о чем,— ответил, смеясь, комбайнер.— Мы с товарищем агрономом воевали с фашистами в этих самых местах. На этом самом поле, где теперь колышется добрая пшеница. Агроном был в звании сержанта, а я — рядовым бойцом. И сейчас по привычке мы отдельным участкам присвоили названия, которые они у нас имели в военное время. Вон там слева, возле кустарника, стояла в обороне седьмая рота, теперь там действует Кулябко, один из лучших бригадиров колхоза «Победа». Ну и так далее. Понятно?

— Ну, а что значит «у фельдфебеля на речке»?

— Об этом вам расскажет товарищ сержант,— кивнул комбайнер на агронома.— Он знает эту историю лучше моего.

Сержант (он же агроном) не заставил себя просить. Он лукаво усмехнулся и начал:

— Был у нас в части парень. Родом из Сибири. В тайге воспитывался, а там всякий мужчина — следопыт и охотник. И как пошел он в армию, то сразу пожелал стать разведчиком. «Охотился,— говорит,— за таежным зверем и хочу сейчас поохотиться за фашистским волком». И вот наш сибирский охотник начал бродить по Брянским лесам и выслеживать немцев. Звали его Герасим Носков. Сведения имею, что он жив-здоров и работает сейчас в колхозе в полную силу.

Как-то ранним утром Носков пошел в разведку.

Он скинул с себя военное обмундирование и напялил какой-то допотопный зипун, грязный и залатанный, оснастил себя такими же портками, а ноги обул в лапоточки, сплетенные, наверное, еще при Василии Шуйском. Прихватил небольшую рыболовную сеть. А надо вам знать, дорогой товарищ, что на Брянщине очень много всяких речушек и озерешек, в которых водятся и окунь, и лещ, и другая хорошая рыба.

И вот ленивой, спокойной походкой идет не бравый солдат Герасим Носков, не боевой разведчик, а нечесаный деревенский облом с простоватой улыбкой на лице. Идет на озеро рыбку ловить. Видимо, ему, дурню, больше и делать нечего в военное время.

Шествует он и, чтобы не скучать, сам себе отдает по всем правилам приказание:

«Товарищ Носков, вам надо проникнуть на правый берег озера и выяснить, какие воинские части противника расположились в деревне Песчанки».

И сам себе отвечает:

«Есть проникнуть на правый берег озера и выяснить, какие воинские части противника расположились в деревне Песчанки... Кажется, в этих Песчанках расположилась и моя знакомая Маруся».

Но тут же строго оборвал себя:

«Разговорчики отставить! Выполнять приказание!»

«Есть выполнять!»

Нечего греха таить, малость чудаковат был Герасим Носков. Но это, как говорится, к делу не относится.

Слушайте, что было дальше. Вышел Носков на горку. Спустился к озеру. А там на берегу высоченный камыш. Тот самый, о котором поется в песне... Ой, чтоб тебя черт побрал!..

(Это восклицание относилось не к камышу и не к знаменитой песне «Шумел камыш», а к ухабу, на котором полуторку вместе с пассажирами подбросило на полметра от земли.)

— Короче говоря,— продолжал сержант,— не прошло и получа-са, как наш славный рыболов очутился в фашистских руках.

Толстый фельдфебель со свиным рылом дал ему два раза по шее и сказал:

«Сейчас мы тебе будем делать капут».

И запер Герасима Носкова в какой-то амбар.

Прошел день — никакого капута нет. Вызвали Носкова на допрос к долговязому лысому обер-лейтенанту. Тот долго с ним канителился, но ничего путного от «этого идиота» не добился. Снова дали ему по загривку и опять повели в амбар..

Через день-другой приходит фельдфебель со свиным рылом и велит Носкову выходить. Снова потащили на допрос. Но уже к другому начальнику. Более лютому.

Целую неделю мучили и терзали Носкова. Он ходил весь в синяках и кровоподтеках, но блаженная улыбка не сходила с его физиономии.

В конце концов гитлеровцы поверили, что этот лохматый деревенский парень — дурак и простофиля. Фельдфебель объявил Носкову, что он будет обслуживать господ офицеров: чистить им сапоги, ставить самовар, колоть дрова и получать затрещины.

Прошло дней десять. Герасим полностью вошел в свою роль. Работал и получал затрещины.

А затем Носков отдал себе приказ: «Прекратить комедию!»

«Есть прекратить комедию!»

— Ух!

Это «ух» относилось к тому, что мы снова стукнулись лбами.

После краткой паузы рассказчик продолжал:

— Он проник в чемоданы к господам офицерам, забрал карты и документы, пришел к фельдфебелю и говорит ему:

«Гутен морген! Рыбку, а? Лещик? Сазан? Окунь? Хи-хи... Офицеры рыбку... А? Давай мой сеть... Пойдем. Хи-хи-хи...»

Фельдфебелю понравилось это конкретное предложение. И он пошел с Носковым на озеро.

Впереди Носков несет на плечах сеть и хихикает. Сзади с большим револьвером на боку шагает фельдфебель.

Идут. Повернули вправо, там, где сейчас посеян овес, вышли на косогор. Уже и озеро показалось. Идет Носков... Идет Носков. Один.

А где же герр фельдфебель?

А вон он позади — лежит в кустах, лицом вниз. Как это случилось?

Носков изловчился, сделал быстрый поворот назад, накинул сеть на голову фельдфебеля, тот запутался, и разведчик поспешил оглушить его крепким ударом. Гутен морген! Хи-хи-хи...

В тот же вечер Носков предстал перед своим командиром...

— Эге! — сказал вдруг, спохватившись, сержант. — Мне сходить. До свидания. Желаю всего хорошего. Эй! — застучал он в кабину шофера. — Остановись, Кузьмин!

— Спасибо за рассказ, — сказал я. — Очень рад был познакомиться с вами, товарищ сержант-агроном. А можно узнать вашу фамилию?

— Игнат Перепечко.

Машина остановилась. Игнат Перепечко бодро перемахнул через борт. Мы остались вдвоем с бойцом (он же комбайнер).

Боец, смеясь, сказал:

— Ну и наврал же вам сержант!

— Как? Неужели его рассказ — ложь?

— Нет. Только насчет фамилии сбредал. Никогда он Перепечкой не был. Зовут его Герасим Носков.

Машина промчалась дальше, воюя с ухабами и рытвинами. Я обернулся и увидел, как Игнат Перепечко... виноват, Герасим Носков шагал мимо рослой пшеницы, размахивая хворостинкой.

ДВА ЯКОВА

Ранний утренний час. Только что принесли свежие газеты. На первой полосе Указ. И в нем два знакомых имени:

Голуб Яков Михайлович...

Кравчук Яков Онисимович...

Неужели это те самые два Якова? По всему выходит, что да.

Возможно, здесь следовало бы коснуться мягких крыльев воспоминаний, которые-де унесли автора этих строк, и т. д. Но автор этих строк чурается такой красивой словесности.

И поэтому свои воспоминания он начинает простой разговорной речью: дело было лет двадцать пять тому назад. Я приехал летней порой в колхоз «Незаможник» на Волини...

* * *

Рассказ будет неполным, если не скажу несколько слов об одноглазом Гирише.

Откровенно говоря, Гириш не имеет прямого отношения к двум Яковам, о которых я собирался поведать читателям. Но мне хотелось бы более подробно описать поездку в колхоз «Незаможник» и не выбрасывать из своих воспоминаний некоторых, по моему мнению, интересных деталей.

Местечко Т. на Волини.

Слух есть, что сейчас уже нет на свете этого местечка: гитлеровцы разграбили его, сожгли, уничтожили.

Но до войны этот тихий, неказистый населенный пункт жил своей разносторонней жизнью: дымили две-три трубы маленьких кустарных заводиков, звенели молоты в кузнях, радиорупоры на площади призывали к борьбе с империалистами и полевыми сорняками, в кинотеатре «Люкс» псказывали нсвый боевик, из раскрытых окон местных швейпромов и ателье неслись песни...

Приехал я сюда поздно вечером. Ночую в местном «отеле». Это

заезжий дом: одна большая комната и две каморки («номера»). Заведующий, или, как он себя величает, директор, держится интеллигентом — у него подстриженная бородка, он курит папиросы, расхаживает по дому без шапки, читает Шолом-Алейхема и острит.

Я прошу директора порекомендовать мне хорошего балагулу (извозчика) для поездки в колхоз «Незаможник».

— Хорошего балагулу? — спрашивает директор. — Зачем вам хороший балагула? Вы же поедете не на балагуле, а на лошадях. Значит, вам нужна хорошая пара коней. Вы их будете иметь. Я к вам сейчас пришлю кривого Гирша. Но совету вам поторговаться с ним. С ним надо торговаться.

Минут через двадцать пришел кривой Гирш. Здоровенный, широкоплечий мужчина с могучими рыжими усами. Правого глаза у него не было: потерял в 1915 году под Перемышлем.

Войдя в мою комнату, он по-солдатски стал во фрунт и гаркнул:

— Здравия желаем!

После взаимных приветствий мы приступили к деловым переговорам. Он назначил за поездку очень высокую цену и был крайне удивлен, когда я ему сказал об этом.

— Дорого? Это вы называете дорого? Ну, а если в самом деле дорого? Сколько лет я вас ждал, чтоб вы приехали сюда из Кисва! Вы не из Киева, а из Москвы? Тем более. Нет, это не дорого. Знаете, что я вам еще скажу? Если, кроме того, вы в дороге угостите меня чаркой водки, я тоже не откажусь. На свои я не пью, но от угощения отказываться не в моих правилах.

Рано утром мы выехали из местечка. Был ясный летний день. И пыль была неимоверная, до сих пор при одном воспоминании начинаю чихать.

Мой балагула всю дорогу рассказывал о своих военных похождениях:

— ...Вот таким образом, дорогой товарищ, наше командование и сдало Перемышль. Это же прямо безобразие — сдать неприятелю такую первоклассную крепость. А почему ее сдали? Очень просто. Не послушались.

— Кого не послушались?

— Меня!

— Вас?

— Да, меня! Не послушались! Вот оттого все и получилось. Удивляетесь? Я тогда тоже удивлялся. А удивлялся я военному начальству, которое допускает такие непростительные ошибки. Вот послушайте. Кстати, вы никогда не были военным? Никогда? Жаль.

Тогда, значит, вы ничего не смыслите в стратегии. Но все же послушайте. Мы стояли под Перемышлем. Неприятель все время атакует. И вот я, рядовой солдат, вижу, что наша армия взяла не ту дислокацию. Ах, боже мой, вы же не знаете, что такое дислокация. Ну,неважно. Короче говоря, я подхожу к нашему полковнику и говорю:

«Ваше высокоблагородие! Мне кажется, если бы артиллерию поставить на правый фланг, а пехоту двинуть...»

Он даже меня не выслушал, этот полковник. Глаза его налились кровью, и он со всех сил гаркнул:

«Молчать!»

И даже что-то прибавил насчет моей морды. Что именно, я не расслышал: было очень шумно.

Я, конечно, замолчал. А через два дня Перемышль пал. Вам теперь понятно?

* * *

Усадьбы польских маентков (поместий) на Украине и в Белоруссии находились главным образом на пригорках.

Мы у подножия такого пригорка. Это бывшее имение какого-то бывшего графа. Ворота с колоннами и с безносыми львами. Снизу к усадьбе подымается березовая аллея. Сейчас здесь правление колхоза «Незаможник».

Не доезжая до ворот метров за сто, Гирш круто останавливает свою колымагу и, повернувшись ко мне, торжественно говорит:

— Дорогой и уважаемый товарищ! Еще не так давно ни моя, ни ваша нога не смогла бы и близко подойти к этому месту. А сейчас... Эх, милые!..

Он молодецки свистнул, стегнул лошадей, и мы, подняв облако пыли, вихрем влетели во двор и подкатили к правлению колхоза. Еще в области мне настоятельно советовали посмотреть это образцовое хозяйство и поближе познакомиться с двумя тамошними достопримечательностями, с двумя Яковами — с председателем сельрады Яковом Онисимовичем Кравчуком и председателем колхоза Яковом Михайловичем Голубом.

В правлении колхоза сторож дед Нечипор любезно сообщил, что товарища Кравчука, председателя сельрады, нет на селе: он сегодня рано утром отбыл в район. А товарищ Голуб, голова колхоза, скорей всего находится в этот час у складов, а склады недалеко от новой школы, а школа у самого мостика, а мостик возле клуба, а клуб за сельрадой, а до сельрады рукой подать.

Получив такой точный адрес, я пошел в село. Здесь у складов и состоялось мое первое знакомство с Яковом Михайловичем Голубом.

Плечистый мужчина лет сорока, рост выше среднего, русые некорные волосы, темные грустные глаза, веселая улыбка, украинская вышитая рубашка. Таким запомнился мне председатель колхоза Голуб.

Мы пошли с ним по чистеньким зеленым улицам села. Яков Михайлович сдержанно, как бы боясь, чтоб приезжий человек не заподозрил его в хвастовстве, рассказывал мне о колхозе, о его садах, пасеке, о животноводческой ферме.

Нам навстречу то и дело попадались крестьяне, крестьянки, парни, девушки, ребята. Все они, как я заметил, с большим уважением здоровались с председателем. А председатель не только весело отвечал на приветствия, но старался каждого «зацепить».

— Как дела, Горпина? Чего это на тебя Семен сердится, а?.. Здоров, Микола Степаныч, как твои ревматизмы?.. Здравствуй, здравствуй, Оксана, а почему ты не на огороде?.. Эй, Митька, куда побежал? Опять двойку получил по арифметике?..

Мы ходили с товарищем Голубом по селу часа два, если не больше. Потом он вдруг посмотрел на часы и заторопился:

— Очень прошу извинить, но пора обедать. Вы обедаете у меня. ...И вот как будто я перенесся во времена Гоголя, в обстановку «Сорочинской ярмарки» и «Майской ночи».

За столом хлопочет чернобривая Ганна, жинка хозяина, в вышитой спиднице и желтых черевичках.

На столе домашние наливки, дымящаяся на сковороде колбаса, галушки, вареники с вишнями и тому подобная благословенная богом и людьми снедь.

Но нет. Гоголь тут ни при чем. Доказательством этого служит то обстоятельство, что рядом со мной за столом сидит председатель колхоза.

Яков Михайлович Голуб рассказывает автору этих строк о делах колхозных, рассказывает смачно, горячо, и его темные грустные глаза то и дело загораются тем огнем, который на языке поэтов и художников называется вдохновением.

После обеда, когда Ганна убрала посуду, товарищ Голуб медленно скрутил сигарку, закурил, с удовольствием затянулся и, вдруг широко улынувшись, сказал:

— А знаете ли, дорогой товарищ, что я еврей?

Никак он не похож на еврея, этот ширый украинец, — ни лицом, ни голосом, ни разговором.

— Да, я еврей. И если вам, дорогой товарищ, не лень, то могу рассказать мою историю. Согласны?

Разумеется, я согласился. И Яков Михайлович начал:

— В нашем селе, вот в этом самом селе, где мы с вами сейчас находимся, жил еврей Михель Голуб, мой отец. Он был коробейник, в скромном коробе носил по окрестным селам весь свой универмаг: гребешки, иголки, нитки, бусы, погремушки, ленты, кружева, картинки — что угодно для души.

У старого Михеля рос сынок Яша — упрямый и озорной паренёк. Это, как вы уже догадались, был я.

Еще в детстве подружился я с соседским хлопцем, с Яшкой Кравчуком. Теперь он Яков Онисимович Кравчук, председатель сельрады. Вот бы вам с ним познакомиться! Золотой человек.

Вместе с Яшкой Кравчуком мы гоняли голубей, лазили, нечего греха скрывать, по чужим бахчам и садам, ездили в ночное, пели казачьи песни и разводили в степи буйные костры.

А когда подросли оба Якова, поступили батраками в имение ясновельможного графа Недзевецкого.

Так жизни двух Яковых слились волею судеб воедино. Слились они крепко и надолго — до сегодняшнего дня, дорогой товарищ.

И Голуб рассказал, как в годы гражданской войны оба Якова вместе партизанили против Скоропадского, против Петлюры, против немцев.

Затем оба Якова организовали в селе Советскую власть: Кравчук стал председателем сельрады, возглавил комнезам.

Началась борьба за колхозы. И опять оба Якова были вместе, в одних рядах против куркулей и против всяких оппортунистов. Они организовали колхоз, один из первых колхозов в районе, и колхозники единодушно избрали Голуба председателем.

— Вот с той поры, дорогой товарищ, я и нахожусь на своем посту. Вот и вся моя несложная биография, — закончил Голуб.

— Скажите, пожалуйста, Яков Михайлович, а как относятся к вам крестьяне?

— По-моему, относятся неплохо. Я бы даже сказал — хорошо.

— Ну, а то обстоятельство, что вы еврей? Бывают, знаете ли, отсталые настроения...

— Ах, вы вот о чем! Нет, этого я в нашем селе не чувствовал. Да и вот вам доказательство: местный почтенный крестьянин, всеми уважаемый середняк, отдал за меня свою дочь Ганну, и лучшие люди села гуляли на моей свадьбе. Это что-нибудь да значит, дорогой товарищ!..

И вот сегодня, в этот ранний утренний час, я читаю газету.

На первой полосе Указ. «За достигнутые успехи в деле развития сельского хозяйства... награждаются орденами Ленина — Голуб Яков Михайлович, Кравчук Яков Онисимович».

Так спустя двадцать пять лет опять повстречались мне эти два Якова.

ПОДЪЕЗЖАЯ К БЕЛОСТОКУ

В лесу пели птицы.

В эту октябрьскую утреннюю рань удивительным казался восторженный перезвон птичьих голосов. Как будто птицы пожелали, собираясь в теплые края, на прощание спеть родной земле свои лучшие весенние песни.

По лесной дороге, усыпанной первой золотой листвой, медленно продвигались три грузовика с бойцами.

Путь лежал на Белосток.

На передней машине вместе с бойцами ехал автор этих строк — корреспондент одной из московских газет. Я был одет в шинель, вооружен с ног до головы и самому себе казался очень страшным и мужественным: на правом боку висела большая кобура с наганом, на левом — фотоаппарат и кожаная командирская сумка.

Я слушал птичий концерт и просматривал в блокноте свои путевые записи.

Молчание прервал боец Крамов.

— Везде и повсюду, — сказал он, закуривая папиросу, — по всей географии птица задумчиво поет: хоть под Витебском, хоть под Белостоком, хоть под самым Нью-Йорком... Товарищ корреспондент! — обратился он вдруг ко мне. — Уместе ли вы, как писатель, обрисовать пение птицы?

Все рассмеялись

— Нет. Чего не могу, того не могу.

— А позвольте спросить, о чем вы в блокнот все записываете?

— Всякие факты из местной жизни. О том, как жили здесь люди при панах.

— Полезная вещь. Если охота на то есть, прочитали бы нам какую-нибудь вашу заметку.

— Что ж... Можно. Вот, например... Я вам эту историю наизусть расскажу — она у меня еще окончательно не написана. Так вот... Отсюда недалеко, в маленьком городишке, разговорился я с одним местным жителем.

«Прожил я на свете,— говорит он,— почти сорок лет. И что я знаю, что умею? Одно лишь умею — быстро одеваться. Никто в нашем городе не умеет так быстро одеваться, как я. Разбудите меня посередине ночи, и через две минуты я буду в полной амуниции. Вы удивляетесь, как человек приобрел такую специальность? На это я вам отвечу простыми словами: целых двенадцать лет, как один день, я был начальником добровольной пожарной дружины в нашем городке. Днем или ночью не успеет еще где-нибудь по-настоящему загореться, а я уж там, первый из первых. Двенадцать лет, до самого вашего прихода, я мучился с этой пожарной дружиной. Дело было так: двенадцать лет тому назад мы подали бумагу нашему старосте пану Гржембицкому, чтоб он разрешил нам организовать добровольную дружину. Пан Гржембицкий ответил: «Никаких дружин. Обойдемся без вас». Мы не успокоились и послали бумагу воеводе. От воеводы пришел ответ: разрешить. Созвал нас пан Гржембицкий и сказал: «Пся крив! Раз воевода разрешил, я не могу запретить. Нехай будет дружина. Но если в городе случится пожар, вы об этом знать не будете. Я запретил каланче оповещать вас о пожарах». Что делать? Я пошел к старому Юзефу, что стоит на каланче, и сказал ему: «Юзеф, за каждый пожар ты имеешь от меня пять злотых». И как только Юзеф увидит где-нибудь дымок, он посылает ко мне свою старую Ядвигу. И хотя Ядвига хромает на правую ногу, мы все-таки первыми прибежали на пожар. Но дело еще вот в чем: староста запретил мне собирать дружину звонком или гудком. И мы придумали так: если я бегу по городу и козырек моей фуражки повернут набок, значит, в городе пожар и вся дружина должна собраться у мясных лавок на базаре. И вот так двенадцать лет я бегал по городу с козырьком набок. И вот так...»

Не успел я закончить рассказ о пожарнике, как из глубин лесного сумрака донеслись выстрелы. Шум выстрелов все нарастал, приближаясь к дороге.

Машины мгновенно остановились. Командир отряда Мелешко

отдал бойцам приказ двинуться цепью в лес и выбить оттуда бандитов.

— А вы, товарищ корреспондент,— сказал мне командир,— останетесь у машин. Будьте начеку!..

Отряд скрылся за деревьями. Я храбро залег у машин, готовый мужественно отразить любое нападение с тыла или с флангов. Я прислушивался к пению птиц и свисту пуль, и мне страстно хотелось совершить изумительный подвиг.

Через полчаса отряд вернулся. Бандиты были рассеяны. Мне не удалось совершить подвига.

Три грузовика с бойцами двинулись дальше по лесной дороге, усыпанной первой золотой листвой.

Путь лежал на Белосток.

ДОНСКОЙ КАЗАК

Я шел по улице Сенкевича, одной из самых людных магистралей Белостока. Здесь на углу я увидел сцену, которая пробудила во мне воспоминания о давно прошедших временах.

Я вспомнил маленький заштатный городишко, занесенный декабрьскими снегами. Была вьюжная морозная ночь. Неистовый ветер носился по кривым улицам, он стучал в ставни, гудел в трубе, звенел телеграфными проводами.

В ту ночь на базаре на большом постоялом дворе под вывеской «Чайная Встреча Друзей и разных закусок» веселились brave донские казаки.

С берегов тихого Дона их пригнали сюда по указу царя. Угасал бурный пятый год, задушенный черными силами. Но по селам, в панских поместьях, еще гулял красный петух. То были последние вспышки большого пожара, на тушение которых и были призваны донцы.

Веселились казаки на постоялом дворе, справляя рождество. И вот на их праздник пришел незваный и неожиданный гость. Это был русоголовый шестнадцатилетний юноша с горячими глазами и острым, упрямым подбородком.

Он зашел в прссторную чайную, затуманенную махорочным ды-

мом, протер кулаком заиндевшие от мороза глаза, снял картуз и, подняв его высоко над своей вихрастой головой, произнес спокойно и уверенно:

— Товарищи!..

Это крамольное слово гулким выстрелом пронеслось по чайной и сразу оборвало шумное веселье. Казаки притихли, удивляясь безумной храбрости нового гостя. А он страстно заговорил о горькой доле народной, о братстве трудящихся, о социализме.

Первым опомнился усатый вахмистр с большой серьгой в левом ухе. Он сплюнул, смачно выругался и, опрокидывая на ходу скамейки и табуреты, ринулся к агитатору...

В ту же ночь весь город узнал, что сапожного подмастерья Захара, избитого в кровь, казаки на дрожках свезли на холм, где, точно храм, возвышался белокаменный острог.

Город, затаив дыхание, молчал. Лишь ветер тревожно носился по пустым улицам. Он стучал в ставни, гудел в трубе и звенел телефонными проводами...

Я вспомнил обо всем этом в Белостоке, на углу улицы Сенкевича. Там стоял человек в лампадах, лихой донской казак, и говорил окружающей его толпе:

— Товарищи!.. Что такое...

Он поправил шашку на боку и продолжал:

— Что такое марксизм? Марксизм, товарищи,— это такая программа, которая...

Десятки глаз смотрели с восхищением на этого рослого красавца, принесшего сюда с тихого Дона простые волнующие слова о марксизме. Стоявший в толпе мужчина в шляпе шептал своей соседке:

— Я пока еще ничего не понимаю. Так бывает только в сказках. Казак говорит о марксизме!.. Что там такое происходит, в Советском Союзе?.. Вы можете мне это объяснить?

К сратору подошел крестьянин, низкорослый, с пепельной бородкой, с палкой в руках. Видать, пришел он пешком в город, чтобы узнать самые последние новости и получить ответ на вопрос, который больше всего интересуется его самого и всю его деревню.

— Товарищ казак, а как насчет земли?

— У вас панское имение есть?

— Обыкновенно.

— А где помещик?

— Нема.

— Сбежал?

— Не.

— Заболел и умер?

- Не.
- Жив?
- Не.

По толпе прокатился смех. Крестьянин строго посмотрел на смеющихся, но у самого из-под усов мелькнула лукавая улыбка.

— Дело простое,— сказал он.— Поехал наш пан в Варшаву в гости к другому пану. А тут как раз война началась. И вот он до сей поры там, в гостях прохлаждается.

— Случай подходящий,— резюмировал казак.— Землей должны пользоваться те, кто на ней работает. Вот, к примеру, у нас, в Советском Союзе...

Я ушел, не дослушав дальнейшей речи агитатора в красных лампасах. Через полчаса я шел по площади мимо костела. Казак и крестьянин с пепельной бородкой стояли и разговаривали. Казак рассказывал об урожае пшеницы на Дону, о комбайнах, о колхозной жизни. Крестьянин, как зачарованный, смотрел своему собеседнику в глаза и все время твердил: «Так, так...»

А через несколько дней мы видели в Слониме такую сцену. На базаре, у мясных лавок, стояли молодой донской казак и высокий старик с огромной седой бородой, похожий на «Моисея» Микель-анджело. Они о чем-то задумчиво беседовали, и старик, увлекшись, крепко ухватился за пуговицу казачьего мундира. Я подошел близко и услышал: казак рассказывал старику о своей колхозной электростанции.

Между нашими бойцами и населением Западной Белоруссии с самого начала установились добрые, дружеские отношения. Страх перед военным человеком здесь сразу исчез с приходом Красной Армии.

В одной казачьей части нам рассказывали:

— Стояли мы в одном местечке под Барановичами. На ночь караульным назначили Остапчука, между прочим, самого здорового во всей части казака. Ходит Остапчук, кругом тишина, ни души, один мрак. И вдруг слышит шорох. Вглядывается в тьму — какая-то черная фигура. Он щелкает затвором и кричит: «Кто идет?» А ему спокойно отвечает ласковый старушечий голос: «Не бойся, сынок, это я...» Действительно, это была старушка, откуда-то брела...

...Голова Захара, бывшего сапожного подмастерья, уже давно посеребрена годами. Может, до него дойдут наши строки о человеке в лампасах. И он с радостью вспомнит свои шестнадцать лет, старый заштатный городишко и ту вьюжную рождественскую ночь, когда его молодые горячие слова о социализме звенели на казачьей гулянке в дымной чайной постоялого двора.

РОДНОЙ ГОРОД

Я не был в родной Лакерице почти сорок лет. Нельзя сказать, что разлука эта проходила без печали. Всегда и всюду, как тени, следовали за мной воспоминания о друзьях детства, о знакомых улицах, где я когда-то бегал босоногим мальчишкой.

А сейчас я увидел старый город в новом обличье. Он будто сбросил с плеч груз десятилетий. Старик помолодел, выпрямил спину, поднял голову...

Прошу прощения. Я, кажется, настроил свою лиру на несвойственный ей лад и невольно впал в сентиментальность. Не беспокойтесь, это сейчас пройдет.

Итак, много времени утекло.

Сорок лет назад, в 1917 году, над страной бушевал февраль, свистя метелями, рассыпая по улицам и закоулкам остатки снежных запасов.

И тогда же над Российской империей пронеслась другая, не снежная выюга.

В наш город весть об этом пришла с опозданием на пять суток. Уже не было ни царя, ни царицы, а здесь еще серебрились погоны господина исправника и сверкали начищенные кирпичом пуговицы на мундирах городских.

Каким-то чудом долетали сюда неразборчивые обрывки смутных вестей. Не обыватель всего остерегался и делал вид, что ничего знать не знает и ведать не ведает.

На губернские и столичные газеты распорядительный исправник наложил арест. О радио в ту пору и слухом не слыхали. Город продолжал жить по-старому, как бог велел и как начальство приказало.

Здесь я отвлекусь немного в сторону для описания некоторых

достопримечательных личностей нашего достопримечательного города.

Станем вот тут, на пригорке, у грандиозной рекламной доски с золотым колоколом, на которой пестрыми буквами выведено: «Не пейте сырой воды, а пейте шустовский коньяк». Отсюда вся базарная площадь, как на ладони.

Вот дегтярная лавка купца Шведа. Когда-то дегтярь выпестовал борова удивительных размеров. На какой-то выставке ему (борову, а не Шведу) была присуждена бронзовая медаль. С тех пор в табельные дни, особенно в тезоименитство государя императора, он (Швед, а не боров) украшает свою грудь этой бронзовой регалией.

Дальше выстроились рядышком сутулые лавчонки и кривобокие рундуки. Над ними каменной палатой висится магазин красных товаров богача Самуила Монастырского. Всю жизнь он был в больших барышах. Убыток он потерпел лишь от единственного сына. С юных лет Борис, к великому огорчению папашы, ушел с головой в книги. Как-то за утренним чаем торжественно заявил:

— Отец! Все, что у нас есть, — награблено.

Богач рванулся с места, опрокинув стакан с чаем на скатерть.

— Кто тебе сказал?! — рывкнул он.

— Маркс! — ответил сын.

— На этого Маркса я донесу полиции. А тебе — вот!

И Борис получил звонкую пощечину. В тот же день он исчез из города. Через несколько лет стало известно, что молодой Монастырский связался с революционерами, арестован и сослан неведомо куда...

Рядом с магазином Монастырского — парикмахерское заведение. Здесь ловко орудует брадобрейным инструментом галантный Жан. Подстригая височки, он неминуемо спросит с очаровательной улыбкой:

— Морду брить будете?

Тут же, сбоку, книжный и писчебумажный магазин Григория Абрамыча, в ближайшем будущем казначея местной кадетской организации. У витрины магазина горожане боятся останавливаться, потому что остроумный Григорий Абрамыч повесил там картину, на коей изображена драка двух пьяных молодцов. Под картиной коварная подпись:

«Двое дурней дерутся, а третий смотрит».

Вон, на отлете, красуется деревянный домик с палисадником. Это резиденция господина Сорочко, руководителя союза Михаила-Архангела. Он плешиив, господин Сорочко, — лишь на макушке нечто вроде оселедца, с полдюжины длинных волос. Черносотенный «ар-

хангел» за зеленым столом в дворянском клубе то и дело поправляет свою скудную прическу, заглядывая в карманное зеркальце, в котором, между прочим, отражаются и карты партнеров. За что однажды был крепко бит заезжим офицером, избравшим орудием возмездия медный шандал старинной работы.

А вот торговля кожухами другого лакейского черносотенного лидера, Кулебяки. В карман каждого кожуха Кулебяка кладет мешочек с медяками — копеек двадцать от силы. Покупатель, примеряя кожух, непременно запустит руку в карман. А там — мошна с деньгами. Он уже не торгуется, платит втридорога и торопится поскорее унести драгоценную покупку.

Рядом с хитроумными кожухами, недалеко от чайной «Париж», заносчиво смотрит в небо пожарная каланча. На вышке ее никогда не увидишь дозорного. Находясь неотлучно в «Париже», ветеран пожарного дела Кисель рассуждает так:

— Кому положено сгореть, сгорит и без меня...

В нескольких шагах от каланчи «казенные весы», арендуемые от управы маленьким писклявым человечком по прозвищу Бас. У арендатора большая нехватка гирь. Когда приходится взвешивать воз с сеном или корову, на весы в дополнение к гирям Бас ставит свою дородную жену, которая давно вывешена, выверена и «идет за 5 пудов 12 фунтов».

Рисунок базарной площади будет неполным, если в заключение не упомянем рыжеусого Кузьму, городского. Весь в прыщах и медалях, он монументом стоит на базаре, взирая сурово и презрительно на род людской.

Городового Кузьму и его административные способности и навыки знает вся округа. Отличительная черта Кузьмы заключается в том, что, не особенно доверяя своду законов Российской империи, он над всяким нарушителем порядка собственноручно творит суд «правый и скорый» тут же, на площади, и рука его никогда не оскудевает...

Так вот, представьте себе, в какой ужас и трепет были повергнуты Сорочко, Швед, Монастырский и прочие господа почтенные, когда они вдруг увидели грозного Кузьму в роли ошипанной курицы. То было событие, равное полному и окончательному солнечному затмению, равное... нет, слаб мой язык, и не могу добавить ни одного, подобающего сему случаю сравнения.

Вам уже известно, что полиция держала газеты под замком пять дней. На шестой исправник вынужден был снять свой запрет. У киоска на базарной площади собрались горожане. «Восстание народа...», «Свержение самодержавия...», «Большевики...» Газету каждый

читал про себя: непривычно громким голосом произносить этикие слова. И вообще нет ли во всем этом подвоха?

Но странным и необычным показалось одно обстоятельство. Городовой Кузьма прислонился к керосиновой бочке у лавки Кулеша, крутил козью ножку и, казалось, не обращал ни малейшего внимания на незаконное скопление публики.

В полдень к городовому подошли коваль Степан и шорник Гринька. Не говоря худого слова, они сняли с Кузьмы шашку и кобуру. Кузьма, не оказав сопротивления, отступил в ближайший переулок.

Поведение Степана и Гриньки обидело почтенных господ:

— К чему эксцессы?

События нарастали.

На «раннем» базаре, где бабы торговали мочеными яблоками и капустой, гимназист Лесной, будущий поклонник Керенского, закричал благим матом, обращаясь к торговкам:

— Клянитесь, что вы будете верны Антанте!

Бабы с испугом заголосили:

— Клянемся!..

Базарная площадь гудела, все более набираясь смелости. С Заречья пришли кожевники. Сам кожевенный заводчик Дятлов ассигновал на революцию рупь-целковый, купив большой красный бант, которым и украсил свою купецкую грудь. Стихийно возникла колонна демонстрантов. Впереди с красным знаменем в руках шагал долговязый гимназист Лесной. Надо бы спеть «Марсельезу», но... Но никто не помнит слов этой запрещенной песни.

К демонстрантам подъезжает одноглазый Матвей, краса и гордость лакейских ломовых извозчиков. Когда-то, в пятом году, он имел какое-то касательство к «движению».

И вот сейчас в душе Матвея зацвели воспоминания. Он снял шапку, поднял свой единственный глаз вверх, приложил правую руку к щеке. И вдруг будто стон, будто сдавленный плач — плач, смешанный с радостью, — из груди Матвея вырвалось:

— Отречемся от старого мира,
Отряхнем его прах с наших ног...

Матвей пошел в первых рядах демонстрантов.

К вечеру прискакали из деревень бледные помещики. Над городом и уездом вставали новые, беспокойные дни.

НОВЫЙ КАЛЕНДАРЬ

Могущественный Мехмед-Али-Мирза, старый шах персидский, ласково глядел на моего дедушку.

Но дед не обратил на это никакого внимания. Он взял с полки молоток и гвоздь. В одно мгновение гвоздь впился в пространство, отделяющее «солнце Ирана» от российского царя.

Так в нашей квартире появилось небывалое украшение. Над старым пузатым комодом засверкал новый календарь. Он был прикреплен к картинке, изображавшей сборище разных царственных особ, в том числе персидского шаха, русского царя и красивую женщину — королеву голландскую.

На первом листочке я увидел большую единицу. Дедушка сказал: — Сегодня Новый год.

Я считал себя в ту пору человеком пожившим, умудренным опытом. Мне шел девятый год. Но я не понимал двух вещей.

Почему, во-первых, на картинке нет такой высочайшей особы, как наш исправник?

И, во-вторых, если Новый год — праздник, то почему сегодня трезвы и Кузьма-бондарь и Залман-извозчик?

Эти два приятеля обычно вместе справляли все праздники, и христианские и иудейские. Залман всегда был навеселе в день сорока мучеников, а Кузьма, безмерно радуясь исходу сынов Израиля из Египта, считал своим долгом в дни еврейской пасхи налегать на пейсаховку.

Вскоре пришел ко мне Федька Козел, мой закадычный друг, и рассказал мне, что сам, ей-богу, видел, как вчера вечером на пролетке ехал пьяный прокурор и что в гимназии на большую елку, вот лопни мои глаза, нацелили горящие свечи.

Я надел дедушкины валенки и вышел во двор. У нас самый роскошный двор в городе. Здесь в маленьких, низеньких домиках живет семнадцать семейств.

Все ребята нашего двора ходят в одну школу. Но вот уж третий день, как учитель заболел бронхитом. И мы носимся по двору, как черти.

Весело у нас во дворе!.. Но сегодня я тут узнал новость, которая сразу омрачила душу. В мою жизнь ворвалось большое горе.

В этот день я потерял близкого мне человека. Всем своим детским горячим сердцем я любил Айзика-ковалю. Я любил Айзика за его скорбные глаза и веселый характер, за широкие, могучие плечи и огромные кулаки, за смелость и отвагу.

У нас во дворе жили сапожники — братья Егор и Степан. Мне нравилось бывать у них. Я любил смотреть, как братья с невероятной быстротой вколачивают гвозди в подметки, я слушал их грустные песни про Сибирь, каторжные работы. Часто заходил сюда и Айзик. Тут, у сапожников, я познакомился с ним и полюбил на всю жизнь.

И вот я узнал, что Айзика не стало. Ночью его забрали в полицию, а затем отправили в острог. Рассказывали, что сам исправник хлестал его нагайкой.

Я впервые в жизни рассердился на полицию, на всех исправников, царей и на королеву голландскую. Вне себя от гнева я побежал домой, схватил столовую вилку и ткнул ее в стенку календаря. Я угодила сразу в два царственных лба: королю сиамскому и шаху персидскому.

Вечером меня пороли...

Впоследствии я понял, какая дорога привела Айзика-ковалю в тюрьму.

За городом, на выгоне, жили кузнецы. Это было шумное племя неучей, грубиянов и крикунов. От наших мирных жителей они отличались своим неистощимым здоровьем.

— Я не знаю, как у этих невежд открываются двери,— обиженно говорил старый городской фельдшер Поляков, который только чохотных считал настоящими интеллигентами.

В этом племени ковалей выросло могучее и дикое дитя — Айзик. Городских ребят, попавших на выгон, он ловил и избивал до крови — так просто, для забавы. В шестнадцать лет забавы у Айзика приобрели более осмысленный характер: он охотился за «сицилистами».

Через выгон шла дорога в рощу. Сюда, в рощу, революционная молодежь города ходила на массовки. Айзик устраивал засады, ловил парней и бил их смертным боем. При этом кричал:

— Ага, вы против царя!..

Почему Айзик-коваль так заступает за Николая второго, никто понять не мог. Думается, что и сам Николай второй, узнав об этом, был бы несказанно удивлен.

Наконец решили: надо сделать ковалю «сознательным» и вовлечь его в «движение». Эта высокая и опасная миссия была поручена двум братьям-сапожникам — Егору и Степану.

Подробности неизвестны. Известно лишь, что, не потерпев ника-

кого членовредительства, братьям удалось войти в доверие к этому дитяти природы. Постепенно они его убедили в том, что царей надо не защищать, а свергать. Дитя природы согласилось даже войти в кружок, но поставило условие:

— Чтобы никакой литературы. Но если надо кого-нибудь бить, так вы сразу мигните мне.

У этого человека была душа. И она проснулась. Возможно, это было очень тяжелое и мучительное пробуждение. Но сильна и прекрасна мечта о братстве людей, о социализме. И коваль, который еще не так давно чурался книжек, начал много читать, порой с величайшим трудом осваивая строки новой для него мудрости. Он даже написал стихи — о ветре, разговаривающем с березой, нежные, лирические, очень плохие стихи.

Он весь переменялся, Айзик-коваль: в глазах его появилась грусть, он стал разговаривать с людьми мягко и даже нежно.

В ту памятную новогоднюю ночь он шел по Кривой улице и тихо напевал. Он столкнулся на тротуаре с полицейским приставом Бушмой. Что-то между ними произошло. Бушму отвезли в больницу, Айзика — в тюрьму.

Хорошие, незабываемые страницы далекого детства! Я услышал их живой шелест в морозную ночь под звездами родного города.

В прошлом году я впервые за последние сорок лет заехал в родной город. Был канун Нового года. И в ту ночь мы бродили вместе по улицам Лакерицы — я и Айзик.

Оказывается, вот уже долгие годы мы живем почти по соседству в большом городе. Мы вместе бывали на одних и тех же собраниях городского партактива. Посещали одни и те же премьеры в театре. У нас даже были общие знакомые. Но мы не знали друг друга.

Случайно в один день мы приехали в наш город. Случайно встретились. И во второй раз познакомились. Он крупный хозяйственник — директор мельничного треста.

И я вспомнил дедушкин календарь с королями, выгон, кузницу, рошу.

Мы шли молча, изумленные и радостные. В городе было много елок, много света и песен. И звезды на небе казались елочными украшениями, которые дед-мороз навесил для всех нас, для детей и взрослых.

Я лег спать под утро. Проснулся поздно, стал вспоминать: мне снилось что-то очень смешное и глупое.

Я вспомнил.

Это был могущественный Мехмед-Али-Мирза, старый шах персидский.

АКСИНЬЯ И ЕЕ ДОЧЬ

Был такой период в моей жизни, когда с популярным греческим сатириком и комедиографом Аристофаном я в течение одного месяца встретился дважды.

Первый раз... Нет, сначала расскажу о второй встрече.

Встреча состоялась в деревне Вертеевке, Брянской области. Там я, можно сказать, лицом к лицу столкнулся с Аристофаном.

Это было лет двадцать назад, а может, чуть больше или меньше. Но так или иначе, дело происходило после смерти Аристофана.

Приехал я в командировку от газеты в Брянскую область, в деревню, название которой прочно забыл. Остановился на квартире у секретаря сельсовета. Через час после моего приезда в комнату, где я находился, широко распахнув двери, ворвалось нечто вроде бури средних размеров.

Это был молодой человек, который, видимо, в последний раз брился во время прошлогодней зяблевой вспашки. Кроме густой щетины цвета недожаренной яичницы, на его лице находились: роговые очки, нос, а под носом улыбка.

— Товарищ! — вскричал он, обращаясь ко мне. — Я представитель областной газеты. Едем! Сейчас же! Берите блокнот!

— Куда?

— Как?! Разве я вам еще не сказал? В деревню Вертеевку. Скорей! Есть полутная машина. Это близко, пять — семь, не более шестнадцати километров. Там интереснейшее происшествие. Замечательная тема для корреспонденции, очерка, фельетона, рассказа, поэмы, балета, киносценария...

Когда мы сели в машину, он отрекомендовался:

— Я еще молодой журналист. Надо полагать, вы меня не знаете. Я долго искал себе красивый псевдоним. Но все красивые фамилии — например, Тургенев, Чехов, Мамин-Сибиряк — уже до меня захватили классики. Придумал я для себя очень оригинальный и звучный псевдоним — Егор Егоров. Такого, кажется, еще не было в литературе. Но использовать его мне еще ни разу не пришлось. Мои заметки идут без подписи.

На вопрос, зачем мы едем в Вертеевку, мой спутник ответил вопросом:

— В МХАТе, короче говоря, в Московском Художественном театре, вы давно не были?

И, не дождавись моего ответа, начал объяснять:

— В этом театре идет интересная пьеса... Забыл автора... Дай бог память... Нет, не Всеволод Иванов... И не Валентин Катаев... Этот писатель жил до них... Две тысячи триста восемьдесят лет тому назад... Вспомнил — Аристофан!

— Да, — сказал я, — в Художественном театре сейчас показывают комедию Аристофана «Лизистрата».

— Вот именно! — вскричал Егор Егоров. — В Вертеевке мы сейчас встретим Лизистрату. Новую, деревенскую Лизистрату. И больше я вам не скажу ни слова. Все сами увидите на месте.

Я сидел в машине и вспоминал свою недавнюю встречу с Аристофаном в Художественном театре.

Лизистрата, жена афинского военачальника, женщина своенравная и упрямая, побудила афинянок объявить забастовку и этим заставить своих мужчин прекратить войну со Спартой.

Артисты и артистки играли хорошо, и мы могли целый вечер наблюдать, как разрасталась эта необычная забастовка. Женщины отказывали мужьям во всем, даже в пище. Поползновения соглашательских элементов к штрейкбрехерству карались самым суровым образом.

В продолжение трех действий мужчины под звуки музыки угрожали и бесновались. В середине четвертого действия они капитулировали.

Перед закрытием занавеса война кончилась. Лизистрата победила.

...И вот состоялась моя вторая за этот месяц встреча с Аристофаном и его героиней Лизистратой, которую в деревне звали Аксиньей Карасевой.

Муж этой деревенской Лизистраты, Семен Карасев, не был военачальником. Но воевать любил. А воевал он главным образом с Аксиньей.

Повадилась Аксинья на собрания ходить, голос начала подавать, в общественные дела вмешиваться. И грех бабу попутал: ораторшей заделалась.

Семену обидно стало. Как-никак, а муж. И вот недавно под пьяную руку ударил раза два Аксинью. Не перечь, мол, моему ндраву.

Аксинья побежала к Елизавете Максютинной, к делегатке. А через полчаса к школе со всех концов деревни стали подходить крестьянки...

Начало смеркаться. Солнце уходило на покой. А мужики покоя не знали. Детишки плачут. Коровам надо поила дать. Свиньи в са-

мой грубой форме напоминают о том, что им пора вечерять. Что за несчастье? Куда это бабы подевались? Было полное село баб, а ни одной нет.

Темнело. Наконец узнали, что «вторая половина человечества» деревни Вертеевки находится в полном составе в школе.

Точно на пожар, бежали мужики к школе. Побежал, конечно, и Семен Карасев.

Окружили школу. Первым делом галдеж подняли. Посыпались ласковые обещания, сулящие поломку бабьих ребер.

Бабы молчали. А это не к добру — затишье перед грозой.

Потом вышла на крыльцо Аксинья с бумагой в руке и, глядя в упор на Семена, сказала, что криком тут ничего не поделаешь, а надо выслушать то, что написано в этой бумаге.

Когда стихло, Аксинья, не подозревая, что сейчас здесь разыгрывается сцена из комедии Аристофана и что она, Аксинья, исполняет в ней роль новой Лизистраты, развернула бумагу и начала читать.

Этот любопытный документ я записал тогда в свой блокнот и передаю его слово в слово, без поправок. Вот он:

«Ко всем гражданам деревни Вертеевки мужского полу, которые женаты. От всех граждан деревни Вертеевки женского полу, которые замужние. Ультиматум. Как мы, замужние гражданки деревни Вертеевки, живем в тяжелых положениях, мужиками биты бываем, слова хорошего от них не слышим. А посему у нас больше терпения нету обиды такие терпеть, и пишем сей настоящий ультиматум. Согласны мы быть в доме работницы и мужьям помощницы и требуем за это, чтоб мужики рукам воли не давали и не то, чтоб бить, а и словами плохими и непотребными не выражались. И к сему еще добавляем: не разойдемся мы и к мужьям не вернемся до тех пор, пока все мужики на бумаге этой свои подписи не подпишут».

Потоптались мужики на месте. Покричали вдоволь, поругались смачно — отвели душу. А потом поодиночке начали подходить и дрожжащую руку прикладывать к бумаге...

Вся эта старая история вспомнилась мне недавно от начала до конца. В предпраздничный вечер, в канун Нового года в кино, в хронике, показывали выступление кружка сельской самодеятельности Брянской области. Диктор объявил:

— А сейчас выступит Екатерина Семеновна Карасева из деревни Вертеевки...

Я обрадовался ей, как чему-то родному, близкому. Я обрадовался ее песням — о новой, колхозной деревне, о новой женской доле.

Как я потом в точности узнал — это пела дочь Аксиньи, дочь деревенской Лизистраты.

ШВЕЙЦАР КАНИФОЛЬНОГО ТРЕСТА

Я увидел его в окно. Он шествовал, подняв, как стяг, свою седую роскошную бороду, разделенную на два сектора, равных по величине и красоте.

Он с гордой важностью нес все обилие галунов, позументов и парчи, которыми были облеплены его широкая шинель и огромная фуражка.

С той же гордой осанкой и чувством собственного достоинства вошел он в мой кабинет, приложился по-военному к козырьку своей изумительной фуражки, поправил бороду и произнес неожиданно ласковым и вкрадчивым голосом:

— Я написал статью для газеты. По очень важному, государственному вопросу.

Не дожидаясь ответа, вынул из-под позументов, из-за обшлага левого рукава шинели, аккуратно сложенный лист бумаги и положил на стол.

Заглавие — «Об одной отрывке проклятого царского строя».

В статье говорилось о том, что, несмотря на великие победы социализма, у нас еще много отрывков прошлого. Мы пользуемся старыми, отмеченными в святцах именами: «Иван, Степан, Марфа, Егор. Надо в срочном порядке заменить все эти имена другими, созвучными эпохе и новейшим достижениям науки. Предлагается ввести в обиход такие имена, как Эфир (для мужчин), Эфира (для женщин), Темп, Аврал, Парашют, Стратосфера и т. д.

Под статьей красовалась каллиграфически выведенная подпись: «Старший швейцар канифольного треста Великошапка».

Знакомая фамилия! Я внимательно посмотрел на человека в позументах. Вспомнил: это он, мой земляк!

Я вспомнил тишину и грязь родного города. На Вознесенской улице, в тени берез и верб, стоял особняк, у ворот которого неизменно стоял рябой усатый городской. Здесь жил предводитель дворянства Великошапка, прославленный своими кутежами и снегирами. Снегири — любимое занятие его превосходительства в часы отдыха.

4. Библиотека «Крокодила» № 12.

Как и теперь, его роскошная — тогда еще не седая — борода была расчесана на две половины. Как и теперь, он блистал тогда пуговицами и галунами мундира.

— Скажите, гражданин Великошапка, вы из...?

Я назвал один из городов Брянской области.

— Вы бывший предводитель?

Он явно смущен. Но быстро приходит в себя. Поправив привычным жестом бороду, говорит очень спокойно и вкрадчиво:

— Надо полагать, земляк? Чрезвычайно рад познакомиться. Да, я тот самый Великошапка. Но все это в прошлом. Через несколько лет после победоносной пролетарской революции я случайно открыл, роясь в старых домашних архивах, что я не тот, за кого себя всю жизнь принимал. Оказывается, моя мать, жена помещика-эксплуататора Великошапки, тайно сошлась по влечению сердца с молодым кучером, крестьянином-бедняком. Результатом этой связи и было мое появление на свет... Узнав об этом, я твердо решил отряхнуть от своих ног прах былого и примкнуть к своему классу.

Он ушел от меня, обиженный отказом напечатать его статью.

НА «ДУНАЕ» ПО ДУНАЮ (Путевые заметки)

Дунай начинается на Киевском вокзале, в Москве...

Конечно, найдутся буквоеды и педанты, которые обвинят автора этих строк в том, что он плохо знает географию. Нет, дорогие товарищи, вы плохо знаете автора. Он не позволит себе исказить действительность и самовольно изменять дислокацию такой замечательной реки, как Дунай, которая дала миру знаменитую дунайскую сельдь и не менее знаменитый вальс «Дунайские волны».

Да, Дунай начинается на Киевском вокзале. Потому, что отсюда в один прекрасный полдень сто семьдесят пять советских граждан (в том числе и я) двинулись в путь-дорогу, чтоб через несколько дней совершить замечательное путешествие по Дунаю на теплоходе «Дунай».

Уже на близких подступах к Апрелевке мы чувствовали себя заправскими участниками круиза по Дунаю. А подъезжая к Жме-

ринке, мы считали себя старыми речными волками, которым ни по чем и скалы, и тайные мели, и бури, и жесткие сиденья в некупированных вагонах...

Мы должны осчастливить своим дружеским визитом шесть столиц. Первая Злата Прага. Один из красивейших городов Европы. Город с чудесным характером: мягкий, сердечный, жизнерадостный, веселый и трудолюбивый.

О Праге очень много писали. И в прозе и в стихах. Стихами я не умею. А в прозе все уже сказали до меня, и я не хочу повторяться.

Хочу лишь вкратце сказать об одной особенности жителей Праги: они общительны, гостеприимны и с большой радостью встречают советских людей.

Вот эпизод, который в моей записной книжке отмечен двумя словами — «Белые розы».

Случилось так, что я заблудился.

А меж тем я хорошо знаю Прагу. Особенно район Вацлавской площади. Но вдруг я очутился в лабиринте каких-то маленьких улочек. Куда идти? Куда повернуть? А уже смеркалось.

Виджу, навстречу мне плывет белый букет. При ближайшем рассмотрении оказалось: розы. Их бережно держал в правой руке молодой человек, весь в новом. Он делал большие шаги, улыбался и что-то напевал.

Я сразу догадался: это жених или кандидат в женихи. И он спешит на свидание к своей Геленке или Боженке. Ей эти белые розы.

Нелегкая меня дернула остановить его и спросить, как пройти к отелю.

— Вы русский? — спросил он меня. — Русский? Горячо поздравляю! Ваши сфотографировали Луну с обратной стороны. Поздравляю.

— Спасибо. Но это случилось уже давно. С тех пор у нас...

Он свободной рукой схватил мою руку и начал крепко трясти.

— Я это понимаю. Но до сих пор не могу забыть. Я сам фотограф. А таких снимков у меня еще не было... Сейчас покажу вам, как пройти к отелю.

Несмотря на мои протесты, он пошел со мной. Он очень долго шел со мной. И где-то очень долго ждала его Боженка или Геленка.

Мы подошли к перекрестку, и я, сообразив наконец, как мне выйти к отелю, попросил его вернуться.

— Вы русский? — спросил он. — А русского содруга я не оставляю на полдороге. Тем более, что вы первый русский, которого я

увидел после этой знаменитой съемки. Луна с обратной стороны не шутка. Идем.

Он довел меня до отеля. Прощаясь, я просил передать мое извинение его девушке. Она, наверное, сердится...

— Вы русский! Я ей это скажу. И она поймет.

Он быстро ушел вверх по тропинке. Я глядел ему вслед — в вечерней мгле еще долго колыхался букет белых роз.

Мы провели два дня в Праге и день в Братиславе. Общее впечатление можно выразить одним словом: хорошо! Восклицательный знак обязателен. Сразу видно: чехи и словаки довольны жизнью, любят смеяться.

Вместе с ними смеялись и мы... Но был час, когда советским туристам было не до веселья. Окраина Праги, Ольшанское кладбище. Несколько длинных улиц, где на мраморных плитах — имена и фамилии советских воинов, павших в борьбе с германскими фашистами, в борьбе за освобождение Чехословакии.

Склонив головы, стоим перед этими родными могилами. И мы знаем, что такие скорбные минуты у нас будут в Вене, в Будапеште, в Белграде, в Софии, в Бухаресте — по всему нашему пути.

Вот-вот мы увидим красавицу Вену. Днем полюбуемся ее дворцами, музеями, памятниками. Вечером центральные улицы будут пламенеть пестрыми рекламными огнями. Сколько автомобилей, ландо, фиакров! Сколько изящных дам и хорошо выутюженных кавалеров! А вот здесь, во дворах на окраине, венцы и венки пьют молодое вино и пляшут в пестрых бумажных масках. А недалеко отсюда...

Недалеко отсюда — большое русское кладбище. Там покоятся те, которые помогли Вене вновь стать Веной.

Прошу прощения у читателей: я несколько забежал вперед. Давайте же ближе к Дунаю и к «Дунаю».

В Братиславе наш мощный туристский отряд погрузился на теплоход. Нас встречает капитан Аркадий Натанович Болотин. Он приветливо улыбается. Улыбаются его помощники. Улыбается вся команда.

Три недели мы путешествовали на «Дунае». Три недели нам сопутствовала радужная, дружеская улыбка команды. Особенно мы были рады улыбке Сергея Ильича Никифорова, нашего милого судового врача. Он улыбался нам, а мы ему — за три недели ни одного больного, ни одного даже самого банального насморка, ни одного даже легкого каприза желудка. Тут надо отдать должное и повару и его помощникам — кормили разнообразно, вкусно... и вежливо.

Но прежде чем отплыть из Братиславы, считаю своим долгом познакомить читателей с моими спутниками, с участниками этого чрезвычайного интересного круиза.

Нас, как я уже говорил, сто семьдесят пять душ. Из них только двадцать шесть выехали за рубеж в первый раз. Остальные уже побывали в Болгарии, Чехословакии, Италии, Финляндии, Бельгии, Франции, Англии, Индии, Китае, Африке.

Кто мы такие? Бухгалтеры, экономисты, врачи, педагоги, военнослужащие, музыковеды, литературные работники, художники, инженеры, работники канцелярий, пенсионеры всякого значения — союзного и республиканского... Маловато рабочих. Кто в этом повинен — «Интурист» или профсоюзные организации?

Обычно писатели рисуют природу в самом начале своего произведения. Я же коснусь ее сейчас, в середине.

Скажу коротко: по всему нашему пути природных красот было рассыпано столько, что могло полностью удовлетворить потребности в прекрасном не только ста семидесяти пяти, но и семнадцати тысяч туристов, взыскательных и капризных.

Надо отдать должное «Интуристу» — организатору этой поездки. Он проявил большую инициативу и показал, что у него есть вкус. Он украсил берега, мимо которых шел «Дунай», красивым густолиственным лесом, мощными скалами, величавыми горами. И все это первого сорта: лес так лес, скала так скала, гора так гора. Никакой бутафории — все самое настоящее. А какие, спасибо «Интуристу», нам почти каждый вечер показывали закаты — лучшие закаты в Европе!

Совершенно сказочной (не боюсь этого слова) оказалась природа между Белградом и Ломом, болгарским портом. Железными воротами называется этот участок пути по Дунаю. Мы плыли среди высоких отвесных скал. Теплоход то и дело нырял в ущелья. Незабываемое зрелище!

Что мы знали о Вене? Очень многое. Мы сживали на венских стульях, едали венские булочки, пивали кофе по-венски, получали дюйки за то, что писали «Вена» не через зять.

В последнее время мы узнали, как поют птицы в Венском лесу и как Иоганн Штраус сочинял там свой знаменитый вальс.

Вот тут-то и вынужден разочаровать поклонников фильма «Большой вальс». Фильм, как мы выяснили на месте, снимался не в Венском лесу, а в Америке. Это одна из фальшивок Голливуда.

А вот мы, советские туристы, гуляли в настоящем Венском лесу, где некогда гулял настоящий Иоганн Штраус и где в нашу честь чиркали настоящие птички.

Ничего не скажешь, хороший лес, чистый воздух, красивые дорожки и аллеи. При желании можно восторгаться. Бесплатно.

Кругом белеют виллы, особняки, построенные с большим вкусом и на большие деньги. Виллами тоже можно любоваться.

Улицы и площади в Вене очень красивы. Красивы магазины, нарядные витрины. Люди одеты с большим изяществом. Но, честное слово, наши туристки были обмундированы не хуже венок (чего нельзя сказать о наших мужчинах). К покрою наших пиджаков и брюк (за небольшим исключением) никак не приладишь такое слово, как «восхищение».

Молодежь в Вене одета просто, без притязаний на малопочтенное звание стилаг. Нет у парней диких причесок. Нет идиотских рубашек, на которых густо нарисованы обезьяны, парусные лодки, птицы, собаки, мячи, верблюды с горбами и горбы без верблюдов. Нет ошейников, заменяющих галстук,—шнур и бляха. Девушки не повязаны платочками таким манером, будто у них на шее вскочил чирый. Старожилы утверждают, что некогда и здесь водились стилаги, но они давно вышли из моды.

В моде здесь другое. Советскому человеку странно смотреть на молодую, хорошо одетую девушку, на шее которой болтается крестик. А их много — и девушек и крестиков. Непривычна для нас и такая процессия — стройно шагает группа школьников, а фельдфебелем у них черная монахиня. Не радовали нас и многочисленные разукрашенные автомобили и кареты, которые тащили подростков в церковь на обряд конфирмации.

Богата Вена памятниками. Они украшают город, эти бронзовые монументы полководцам, политическим деятелям, писателям, композиторам.

Славна Вена своим радушием. Нас, советских людей, везде и всюду принимали хорошо. Мы осматривали театр, здание оперы, музеи, парламент, дворец президента, загородные виллы. Для нас уличные певцы и музыканты пели и играли старинные австрийские и тирольские песни.

Водятся ли в Вене богачи? Сильно подозреваю, что да. Водятся ли в Вене бедняки? Похоже на то. На углу одной улицы мы увидели унылую семью: мужа, жену и сынишку лет двенадцати. Они были очень и очень плохо одеты, прямо скажем, по-нищенски. Особенно это бросалось в глаза на фоне нарядной венской улицы. Думаю, что эта семья не единственный такой экспонат.

В Вене функционируют ночные клубы (мягко выражаясь) и стриптизы. Сюда идут «работать» не из любви к «искусству», а ради горького куска хлеба.

Была у меня одна любопытная встреча. На пристани к нашему «Дунаю» подошел розовощекий человек с маленькими усиками и в кожаных шортах. Я как раз собирался идти в город. Он меня оставил.

— Извиняюсь, вы из России? Я жил когда-то в России. Я негодник. Скажите, пожалуйста, у вас там еще нет частной торговли?

— Нет и не предвидится.

— Вот как!

Обиженный, он повернулся и быстро удалился.

Бодро и весело «Дунай» движется дальше. После Будапешта — Белград.

В столице Югославии мы провели один день. Так что скажу о ней коротко.

Красивый город? Да.

Строится? Да. И очень хорошо.

Магазины? Немало товара, мало покупателей.

Нищие? Встречаются. Но, конечно, не на центральных улицах.

Едем дальше. Теперь мне остается сделать общие замечания о трех столицах стран народной демократии.

Что роднит их всех? Рост городов. Рост благосостояния населения. Крепкая вера: завтра будет еще лучше, чем сегодня. Все они охвачены пафосом мирного строительства.

Магазины полны товаров. Магазины бойко торгуют. И в Будапеште. И в Софии. И в Бухаресте.

Бросаются в глаза дети. Не озорством. А одеждой. Во всех трех столицах (как и в Праге, как и в Братиславе) дети чудесно одеты. Даже шалуны.

У подножия горы Геллерт сижу с группой венгров. Они с горечью рассказывают о бедах, которые контрреволюционеры и их хозяева навлекли на Будапешт в 1956 году. Мои собеседники не стесняются в выражениях, стесняется переводчица. Но мне ясно, что при более экономном расходовании ругательств их вполне хватило бы и для тех, кто еще сегодня науськивает всяких подонков на венгерский народ.

Венгры издеваются над этими подонками и над их боссами.

Отмечу между прочим: венгры хорошо смеются, понимают шутку. Недаром растет тираж их юмористического журнала.

С прекрасной Софией я давно знаком. А Бухарест увидел впервые. Пришел, увидел и полюбил. Замечательный город! Не устаешь любоваться новыми домами, новыми кварталами, новыми улицами.

Но пора домой. «Дунай» приближается к Измаилу. Вот уже видна советская земля. Скоро Москва. Привет, родная!

Короткие записи

ЗНАТОК

В купе вагона мой сосед перед тем, как отойти ко сну, вынимает из портфеля книгу.

— Что читаете? — спрашиваю.

— Перед сном никогда не читаю интересных книг. Не уснешь потом. А это у меня не то Тургенев, не то Толстой.

ТОЛЬКО ИЗБРАННОЕ

В библиотеке в очереди передо мной — две девушки. Одна спрашивает другую:

— Что будешь брать?

— Что-нибудь избранное. Я читаю только избранное,

ПРИРОДА И ВИДЫ

В автобусе. Впереди меня сидят две расфранченные дамы.

— Марья Егоровна, вы вчера ездили на озеро? Да? Там интересные виды?

— Никаких видов. Но природа красивая.

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

Я написал фельетон об одном заведующем мельницей, который со страшной силой боролся за свою персональную машину.

Обиженный мельник прислал в газету негодующее послание, в котором между прочим сказано:

«Человеческая мысль достигла того уровня, чтобы облегчить труд и жизнь человека, тем более руководителя, и изобрела машину... Мы так отстали в этом вопросе, что даже руководителям предприятий и учреждений приходится решать вопросы пешком».

С ДРОЖЬЮ В ГОЛОСЕ

Я зашел в магазин. Спрашиваю директора, моего старого знакомого. Молодая продавщица в белой наkolке грустно, с дрожью в голосе отвечает:

— Наш дорогой Николай Дмитриевич еще в прошлом месяце дал дуба...

КОМПЛИМЕНТ

Дежурная в гостинице, просматривая мой паспорт, начинает мило улыбаться:

— Скажите, пожалуйста, это вы пишете в газетах? Да? Я вам должна сделать комплимент: всегда с удовольствием читаю ваши романы и отрывки.

ИЗЫСКАННАЯ РЕЧЬ

В санатории одна дама, томно закатывая глаза, спросила меня:

— Скажите, вы сегодня уже лицезрели луну?

Она же, говоря о питании:

— В прошлом году здесь подавали целую серию супов.

МУКИ СЛОВА

Мой сосед, распекая сынишку за какую-то провинность, торжественно приговаривал:

— Вот не будешь культурным, то я тебе...

Остановился в поисках нужного слова. Нашел:

— „То я тебе надаю по заднице!“

НЕ ТОТ МУЗЕЙ

Одна приезжая дама жаловалась мне в Пятигорске:

— Я разочарована. Водили нас в музей Лермонтова. Боже мой, какая бедная обстановка! Смотреть нечего. Вот в Ленинграде музей, так это музей!

ЗАГЛАВНАЯ РОЛЬ

В одной московской газете в рецензии на радиоинсценировку пьесы Маяковского «Баня» было сказано:

«Заглавную роль играет Игорь Ильинский».

ОПРОВЕРЖЕНИЕ

«В вашей уважаемой газете сказано, что я, Евсигнеев Петр, спекулирую сухофруктами и вообще авантюрист. Между прочим, в фельетоне имеется такая непроверенная фраза по моему адресу: «Жулик в сером плаще вошел в вагон». Категорически заявляю, что это клевета. У меня в жизни не было серого плаща».

ИЗ ЖИЗНИ БАРАНОВ

В журнале «Животноводство» напечатали поправку такого содержания:

«В № 12 журнала перепутаны подписи под фото баранов на вкладке. Подпись под бараном № 876 следует заменить подписью под бараном № 941; подпись под бараном № 827 следует заменить подписью под бараном № 576 и подпись под бараном № 941 — заменить подписью под бараном № 827».

ЯБЕДА

Двое моих земляков, Михаил и Яков. Оба полковники медицинской службы. Имеют внуков. Приехали недавно в Москву на какое-то совещание.

Спрашиваю Михаила:

— Что нового у Якова?

— Не знаю. Я ведь с ним не разговариваю.

— Давно?

— С третьего класса гимназии. Он меня обозвал ябедой.

МАМА И КОРОВА

Войдя в подъезд одного дома в Брянске, я услышал, как мать отчитывает дочурку:

— Что я, корова какая-нибудь, что ты меня называешь мамой? Надо говорить «мамочка».

ПИСАЛИ УСТАМИ

Как-то я получил записку от директора театра. Он приглашал меня прийти на премьеру и, между прочим, подчеркнул:

«Об этом спектакле уже писали газеты устами рецензента Дурылина».

ЛЮБИТЕЛЬНИЦА ЖИВОПИСИ

При мне одна солидная дама с восторгом рассказывала Николаю Соколову (одному из Кукрыниксов):

— Недавно я приобрела замечательный ноктюрн-морт.

И ЩЕДРИН ПОСТРАДАЛ

Моему приятелю, романисту, прислали из издательства такую резолюцию на его рукопись:

«Решительно снять все литературные штампы, дешевенькие хохмы, подражания Щедрина».

ИСПРАВИТЬ ОШИБКУ!

«Ранее послана вам переписка, то есть копия с перекопии и выписка из протокола № 105, где указано, что препровождается копия с перекопии, а потому районное управление милиции приказывает исправить слово «перекопия» на «копию», так как при отпечатании на машинке вместо «копия с копии» напечатано «копия с перекопии...»

Эту выдержку из грозного предписания я получил из одного приволжского городка.

НА УЛИЦЕ

Две девушки. Одна в новых туфлях.

— Глянь, Катя, какие культурненькие бантики на туфлях.

НЕ ЧИТАЯ

Начальнику стройконторы подсунули наряд:

«За утрамбовку дыма, за планировку атмосферы и за перекатку солнца с востока на запад — 176 рублей».

Начальник, не любивший утруждать себя чтением, подписал:
«Утверждаю к оплате 176 рублей».

ШТРАФ

В зоопарке — клетки с тигром. Тигр свирепый: все время грозно рычит. На клетке объявление:

«Не подходить. Штраф 25 рублей».

Никто не решался подходить. Пугались не столько тигра, сколько штрафа.

Штрафы, они тоже кусаются.

ПИСЬМО ИЗ ЧЕБОКСАР

«Товарищ фельетонист, прошу вашей помощи. Хочу сделаться киноартистом. Больше года, как я упражняюсь. Умею прыгать. Пробовал прыгать со второго этажа. Две недели лежал в больнице. Теперь опять прыгаю. Думаю, что к весне начну прыгать с третьего этажа. У меня милый образ, как у Игоря Ильинского».

НЕ УЗНАЕТЕ?..

Посетительница мило и загадочно улыбалась.

— Не узнаете?

Я растерянно молчал.

— Неужели не узнаете?

Она повернулась ко мне в профиль. Затем опять анфас.

— И сейчас не узнаете?

— Простите, не припомню. Когда мы с вами виделись?

— А мы никогда не встречались. Но вы хорошо знаете моего отца. Я очень похожа на него.

СОДЕРЖАНИЕ:

В чекистских лапах	8
Был прекрасный выходной день, когда...	7
Знаменательная дата	9
Улыбка Ротова	11
Встреча в Москве	15
Чистая работа	20
Игнат Перепечко	21
Два Якова	26
Подъезжая к Белостоку	31
Донской казак	34
Родной город	37
Новый календарь	42
Аксинья и ее дочь	45
Швейцар канифольного треста	48
На «Дунае» по Дунаю	50
Короткие записи	56

ГРИГОРИЙ ЕФИМОВИЧ РЫКЛИН

ПРИЯТНО ВСПОМНИТЬ

Редактор Е. Цугулиева.

А 00090. Тираж 150 000 экз. Издательский № 543. Заказ № 249.

Подписано к печати 19/V 1962 г. Объем 1 бум. 70 × 108¹/₃₂ л. 2,74 печ. л.

Учетно-изд. л. 3,51.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина,
Москва, ул. «Правды», 24.

Цена 9 коп.

ВЗ-00-09